

О НАДПИСАНИИ ПСАЛМОВ

Оглавление

Святитель Григорий Нисский.....	1
О надписании псалмов.....	1
<u>Оглавление.....</u>	<u>1</u>
<u>Книга 1. (О целях написания Псалмов).....</u>	<u>2</u>
<u>Предисловие к другу .....</u>	<u>2</u>
<u>Глава 1. (Человеческое блаженство – есть уподобление Божеству).....</u>	<u>2</u>
<u>Глава 2. (О различных родах жизни и о том, что порок услаждает чувство, а добродетель веселит душу).....</u>	<u>3</u>
<u>Глава 3. (О сладкозвучии, слагаемости из противоположностей, сторойности псалмов).....</u>	<u>3</u>
<u>Глава 4. (О том, что в псалмопениях показано, как добродетель ясными признаками отличается от порока).....</u>	<u>5</u>
<u>Глава 5. (О том, что весь состав псалмов делится на пять частей).....</u>	<u>6</u>
<u>Глава 6. (Толкование 72 псалма ст.22-28).....</u>	<u>7</u>
<u>Глава 7. (Толкование 89 псалма).....</u>	<u>8</u>
<u>Глава 8. (Толкование 106 псалма) .....</u>	<u>10</u>
<u>Глава 9. (Толкование 150 псалма) .....</u>	<u>14</u>
<u>Книга 2. (О различных надписаниях и о порядке псалмов сообразном с восхождением души).....</u>	<u>15</u>
<u>Глава 1. (Перечисление различных надписаний).....</u>	<u>15</u>
<u>Глава 2. (О надписании «в конец» и ему подобных).....</u>	<u>16</u>
<u>Глава 3. (О надписаниях: «псалом», «песнь», «хвала» и «молитва») .....</u>	<u>17</u>
<u>Глава 4. (О надписании «о изменится хотящих»).....</u>	<u>18</u>
<u>Глава 5. (О надписаниях: «о тайных», «о наследствующей», «о заступлении утреннем», «о осмей», «о точилех»).....</u>	<u>20</u>
<u>Глава 6. (О надписаниях: «о Маелефе», «исход скинии», «о обновлении дому Давидова», «изступления», «в воспоминание», «исповедание», «столпописание», «да не растлиши»).....</u>	<u>21</u>
<u>Глава 7. (О надписании «аллилуия»).....</u>	<u>22</u>
<u>Глава 8. (О ненадписании у евреев некоторых псалмов, в частности 32,42, 93).....</u>	<u>22</u>
<u>Глава 9. (О ненадписании у евреев некоторых псалмов, в частности 94,95,96,98,103).....</u>	<u>25</u>
<u>Глава 10. (Исследование слова «диапсалма»).....</u>	<u>27</u>
<u>Глава 11. (О порядке псалмов и о порядке восхождения душ человеческих).....</u>	<u>29</u>
<u>Глава 12. (После удаления от зла ублажается познание добра, а также толкование псалмов 47,48).....</u>	<u>32</u>
<u>Глава 13. (Толкование 51, 52, 53, 54 псалмов).....</u>	<u>34</u>
<u>Глава 14. (Толкование 55 и 56 псалма).....</u>	<u>37</u>
<u>Глава 15. (Толкование 57 псалма).....</u>	<u>41</u>

Книга 1. (О целях написания Псалмов)

Предисловие к другу

Со всею готовностью принял я твое, человек Божий, приказание, и меня, и тебя равно вызывающее на труд, и вникал в надписания псалмов. Ибо сего и требовал ты от нас — исследовать усматриваемый в них смысл, чтобы для всех сделалось явным, что может в них руководить нас к добродетели. Посему, с великим вниманием перечитав всю книгу псалмов, признал я необходимым не исследованием надписания начать, но касательно всего вообще псалмопения изложить наперед некоторый способ к искусному уразумению мыслей, по которому естественным образом уяснится для нас понятие о надписаниях. Почему, прежде всего надлежит уразуметь цель сего Писания, к чему она клонится; потом, в след за сим, рассмотреть то направление мыслей к предположенному, какое показывают и порядок, удобно служащий к познанию цели, и отделы всей книги, определяемые особыми некими очертаниями при пятичастном разделении всего заключающегося в псалмах пророчества. По предварительном же в надлежащей мере уразумении сего соделается для нас понятнее польза, извлекаемая из надписаний и раскрываемая уразумением наперед исследованного. Поэтому с сего должно начать обозрение.

Глава 1. (Человеческое блаженство – есть уподобление Божеству)

Конец добродетельной жизни — блаженство. Ибо все, в чем тщательно преуспеваем, непременно, что-нибудь имеете целью. И как у врачебного искусства в виду здравие, а цель земледелия — заготовление потребного для жизни: так приобретение добродетели служит к тому, чтобы живущему добродетельно соделаться блаженным; это — верх и предел всего, что умопредставляем себе как благо. Посему и то, что, в подлинном и собственном смысле, усматривается и умопредставляется под сим высоким понятием, справедливо будет называться естеством Божественным. Так и великий Павел именует Бога, всем богословским именованиям предпоставив имя: Блаженный, когда в одном из посланий выражается такими словами: «блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная!» (1 Тим. 6, 15. 16). Все сии высокие понятия о Божестве, по моему рассуждению, могут служить определением блаженства. Если кого спросят, что такое блаженство, то не погрешит, в ответе благочестивом последовав слову Павлову и сказав: блаженно, что в собственном смысле и первоначально так называется, или превышее всего естество; а в людях некоторым образом делается и именуется блаженным, что таково по причастию истинно Сущего и принадлежит в них естеству того, чего они причастны. Посему вот определение человеческого блаженства: оно есть уподобление Божеству. И как, что истинно благо, или превыше блага, то одно и блаженно и вожделенно для естества, и причастием сего все делается блаженным, то Божественное псаломское Писание в некоей благоискусной и естественной последовательности прекрасно указывает путь к сему единому, в простом, по видимому, и бесхитростном учении разнообразно и многоразлично излагая способы к приобретению блаженства. Посему и из самого первого псалма можно заимствовать мысль о сем предмете, так как слово, деля добродетель трчастно, каждому отделу, в приличной некоей соразмерности, приписывает блаженство, ублажая то отчуждение от зла, как служащее началом стремления к лучшему, то за сим поучение в высшем и Божественнейшем, как производящее уже навык к лучшему, то наконец чрез сие в совершенных достигающее до преспеяния уподобление Божеству, ради которого и предшествующие состояния называет блаженными, последнее же гадательно разумеется под образом присноцветущего древа; ему уподобляется усовершенная

добродетелью жизнь.

Глава 2. (О различных родах жизни и о том, что порок услаждает чувство, а добродетель веселит душу)

Чтобы иметь нам точнейшее сведение об учении о добродетелях, какое преподается во всем псаломском руководстве, хорошо будет, как бы некое искусственное слово в последовательном порядке изложив наперед для себя самих, подробно определить прежде всего, как возможно любителю добродетельной жизни пребывать в добродетели. Ибо в таком случае узнаем следствия предварительно указанного нам учения. Посему, кто намерен обратиться к добродетели, тому надлежит прежде различить в слове жизнь благоприличную и укоризненную, обозначив каждую особенными признаками, чтобы понятие о них не было затемняемо ничем общим и не смешивалось. Между знаками особенности каждого из сих образов жизни имеются, может быть, и какие-нибудь иные, но более общими других, по нашему предположению, служат следующие: веселие, доставляемое ими людям, уделяется то чувству, то разуму; так как порок услаждает чувство, а добродетель веселит душу. При сем естественно будет одобрению и оуждению удалять мысль слушателей от худшего и сроднять с лучшим, потому что оуждение дурной жизни возбуждает ненависть к пороку, а похвала делам добрым увлекает пожелание к более одобрительному. Потом, чтобы похвала жизни доброй действовала сильнее и порицание жизни худой было поразительнее, надлежит приводить на память самих, как возбудивших удивление добродетелию, так осужденных за порочность; потому что представляемые примеры из их жизни производят некое напряжение и твердость в душевном расположении, когда надежда достигнуть одинаковой чести с доблестными привлекает душу к добродетели, а оуждение осужденных возбуждает к удалению и отчуждению от одинаких с ними предначинаний. При всем же этом необходимо будет для каждого из сих случаев изложить подробное некое учение, которое и укажет лучшее, и отвратит от худшего, к лучшему руководя слух какими либо правилами и советами, и от худого удерживая словами, внушающими отвращение.

Но и по строгом различении этого, поелику с трудом приемлется естеством все то, что чуждо удовольствий (разумею же удовольствие, угодное телу; потому что душевное веселие далеко отстоит от бессловесного и рабского сластолюбия), а особенным признаком той и другой, и добродетельной и порочной, жизни признали мы прежде то, что порок льстит в нас чувствилищам плоти, добродетель же душевным веселием делается в преуспевших; то у возводимых ныне в высшую жизнь, для которых судить о прекрасном представляется еще способным чувство, душа, как неприготовленная опытом и непривыкшая к такому уразумению, не имеет пока и достаточных сил усматривать доброе. А что вовсе не известно, к тому, хотя оно и всего прекраснее, пожелание наше остается неподвижным; без предшествующего же пожелания не будет никакого удовольствия от такой вещи, к которой не чувствуем пристрастия; потому что путем к удовольствию служит пристрастие. Посему для невкусивших еще чистого и Божественного удовольствия необходимо надобно придумать нечто такое, почему были бы приняты и уроки добродетели, будучи услаждены чем либо увлекающим чувство. Так обычно поступать и врачам, когда какой либо горький и противный вкусу целительный состав делают они непротивным для больных, приправив сладостно меда.

Если же в сказанном нами вполне изложено руководство к добродетельной жизни, и именно, как сперва должно отделить один от другого противоположные роды жизни, потом каждый из них обозначить особенным признаком, после того один род почтить словом, другой же чрез оуждение сделать отвратительным, и примерами мужей знаменитых усилить мысль о каждом роде, частными же правилами указать путь, ведущий к добру, и отвратить от худого, и что в добродетели сурового и требующего мужеских сил, соделать это приятным для младенчествуящих, усладив чем либо увеселяющим наше чувство; то время уже уразуметь, каким образом из рассмотренного сего изложения открывается нам все заключающееся в псалмах учение, удерживающее от порока и привлекающее к добродетели.

Глава 3. (О сладкозвучии, слагаемости из противоположностей, сторойности псалмов)

Итак, сперва (ибо начинаем с последнего) всмотримся в это примышление, по которому

псалмопевец столько суровый и напряженный образ добродетельной жизни, столько загадочное, исполненное тайн учение, столько неизреченное и прикровенное неизглаголаннми созерцаниями богословие соделал до того постижимым и сладостным, что учение сие изучается не только совершенными мужами, у которых очищены уже душевные чувствилища, но делается собственным достоянием женского терема; как одна из игрушек, доставляет удовольствие младенцам, престарелым же служит вместо жезла и отдохновения; и кто весел, тот дар сего учения почитает своею собственностью, а кто по какому либо обстоятельству в грустном расположении, тот думает, что ради него подается таковая благодать писания. И путешествующее, и плывущие морем, или занятые какими либо сидячими работами, и вообще все, в чем бы то ни было упражняющиеся, и мужчины, и женщины, здоровые и больные, почитают для себя утратою — не иметь в устах своих сего высокого учения. Даже и пиры, и свадебные торжества среди радостей в сем любомудрии заимствуют для себя часть увеселения; не станем же и говорить о Божественном на всенощных бдениях песнопении псалмов и об изучаемом церквами в них любомудрии.

Какое же это примышление к несказанному и Божественному наслаждению, которое великий Давид влиял в свои наставления, и которым соделал, что уроки его так охотно приемлются естеством человеческим? Всякий, может быть, готовь сказать причину, по которой с удовольствием занимается псалмами. Сладкозвучье речи, скажет иной, — вот причина наслаждения, с каким перечитываются псалмы. А я, как сие ни справедливо, утверждаю, что не должно оставлять сего без исследования; ибо кажется мне, что любомудрье сладкозвучьем означает нечто большее, нежели как понимают это многие. Что же хочу этим сказать? Слышал я одного мудреца, который о нашем естестве вел такое слово: человек есть малый мир, заключающий в себе все, что есть в великом мире. А устройство вселенной есть некая музыкальная стройность, во многих видах и разнообразно по какому-то порядку и ладу сама с собою согласенная, сама себя поддерживающая и никогда не нарушающая сего согласия, хотя и усматривается некое великое различье существ, если брать каждое отдельно. Что бывает с смычком, который, искусно касаясь струн, разнообразием звуков производит услаждающий глас, какого, конечно, не составилось бы, если бы во всех струнах был однообразный звук; так и входящее в состав вселенной, при разнообразии существ, отдельно усматриваемых в мире, по какому-то на всегда установленному и ненарушиму ладу, само себя касаясь, и производя согласие частей с целым, оглашает вселенную этим всестройным сладкопением, слышателем которого бывает ум. Как нимало непользующийся этим слухом, но простирающийся далее плотских чувствилищ, и возносящийся гор, так слушает он песнопение небес, как, по моему мнению, слышал и великий Давид, когда, по усматриваемому в небесах искусному и всепремудрому движению, уразумевал, что «поведают» они славу производящего в них это Бога (Пс. 18, 2).

Ибо действительно с таковым ладом выводимая песнь неисследимой и несказанной Божьей славе есть это согласие всей твари с самой собою, слагаемое из противоположностей. Противоположны же между собою покой и движение; и они взаимно срастворены в естестве существе; и в них самих усматриваем какое-то неизъяснимое смешение сих противоположностей, так что и в движении оказывается покой, и в неподвижном — приснодвижущееся. Хотя всегда движется все, что на небе, или вращаясь с неподвижным кругом, или увлекаясь в противную сторону подвижными телами, но взаимное между собою расположение небесных тел всегда покоится и пребывает тождественным, из того порядка, в каком состоит оно, никогда не переходя в какой-либо другой, а всегда, каким было, таким и оставаясь. Посему соединение покоящегося с движущимся, повсюду совершающееся в некоем однажды установленном и ненарушимом согласии, есть мусикийская некая стройность, с какою совершается складно и чудно сложенное песнопение всем обладающей Сил. Его-то, кажется мне, услышав и великий Давид, сказал в одном из псалмов, что хвалят Бога все силы, какие на небеси, и звездный свет, «и солнце, и луна, и небеса небес: и вода яже превыше небес» (Пс. 148, 3, 4); а далее перечисляет и все, что есть в твари; потому что взаимное единодушие и сострастие всего, направляемые в порядке, чинности и последовательности, составляют первую, первообразную и истинную мусику. Ее-то, по неизреченному закону премудрости, Правитель вселенной художественно предначинает тем, что вечно совершается в премудрости.

Посему, если порядок целого мира есть мусикийская некая стройность, «Художник и Содетель» которой, как говорит Апостол, (Евр. 11, 10) Бог; а человек есть малый мир, но он же самый делается и подобием Приведшего мир в стройность; то разум, что усматривает в великом мире, то же самое видит и в малом; потому что часть целого непременно однородна с целым. Как осколок небольшого стекла, в прозрачной своей части, подобно зеркалу, показывает солнечный круг, сколько вмещает малость прозрачной частицы: так и в малом мире, разумею человеческое естество, видна вся мусикия, усматриваемая во вселенной, частью соответствующая целому, сколько вмещается целое в части.

Показывает же это и устройство орудий нашего тела, искусно приспособленное природою к упражнению в музыке. Видишь ли эту свирель — дыхательное горло, эту подпорку у струн — небо, эту, как бы на струнах и смычком, игру языка, щек и рта?

Итак, поелику все, что согласно с естеством, любезно естеству, а музыка, как показано, согласна с нашим естеством; то посему великий Давид к любомудрому учению о добродетелях присоединил и сладкопение, в высоте догматы влив, как бы некую сладость меда, при помощи которой естество наше некоторым образом изучает и врачует само себя. А врачеством естеству нашему служить стройность жизни, какая, по моему мнению, прикровенно внушается сладкопением. Ибо, может быть, не самое служить призванием к высокому состоянию жизни, к тому, что живущих добродетельно нрав не должен быть грубым, странным, со всеми разногласным, не издавать, как и струна, сверх меры высокого звука, потому что стройность струны, будучи доводима до излишества, непременно нарушается; но и, напротив того, не должен ослаблять своей силы до непомерности сластолюбием, потому что душа, расслабленная таковыми страстями, делается глухою и немою; и все прочее также должно при времени повышать и понижать, имея в виду, чтобы у нас в нравах сохранялись всегда стройность и добрый лад, без непомерной распущенности и чрезмерной натянутости. Почему о Давидовых преспеяниях в сей Божественной мусикии свидетельствует история, именно же, что некогда Саула, который неистовствовал и изступал из ума, Давид исцелял от страсти игрою на гусях, так что Саул снова возвращался умом в естественное состояние. Почему явствует из этого, на что указывает загадочно значение сладкопения, именно же, что оно внушает нам утишать в себе страстные движения, различно возбуждаемые житейскими обстоятельствами. Но не надлежит оставлять без внимания и того, что не по правилам песнописцев, чуждых нашей мудрости, составлены сии песнопения, потому что не в тон речений заключается сладкогласие, как можно сие видеть у тех, у кого лад поражается от известного сочетания слоудоударений, — когда тон звуков понижается и возвышается, сокращается и удлиняется. Напротив того, Давид, придавая Божественным словам неподготовленное и безискусственное сладкогласие, хочет сладкопением, при известном течении речи, истолковать смысл сказуемого, когда самый тон голоса открывает, сколько возможно, мысль, заключающуюся в речениях. Посему такая это приправа снеди, которою, как бы сладостями какими, придается приятность пище уроков.

Глава 4. (О том, что в псалмопениях показано, как добродетель ясными признаками отличается от порока)

Согласно с предложенным нами искусственным воззрением, благовременно уже будет подвергнуть в слове рассмотрению самый пир добродетелей. Ибо, во-первых, можно найти, что добродетель ясными признаками отличается от порока, так что разность той и другого с противоположным неслитна. Из веселья, доставляемого нам ими, делается видным отличительное свойство жизни добродетельной и порочной; порок увеселяет телесные чувства, а добродетель — душу; почему находимое по сим признакам свойство подлежащего безошибочно и несомнительно.

И это не по иному чему, но по мыслям, усматриваемым с первого взгляда, и при обозрении, проникающем до глубины, можно находить во многих местах псалмопения, особливо же в псалме четвертом, где Давид называет тяжкосердыми тех, которые ложь и суету не отличают от истины (Пс.4,3), но любят неосуществимое, постоянное же и достойное любви презирают. Одна святость, сказано у Давида, действительно достойна удивления, а все прочее, чего домогаются люди, как блага, таково только в предположении; оно само в себе не существует, но в суетном только мнении человеческом представляется имеющим бытие. И чтобы яснее раскрыть учение о сем, говорит Пророк далее, что многие ограничивают благо вещами видимыми, говоря: то только благо, что может иной показать чувству. «Мнози», по слову Пророка, «глаголют: кто явит нам благая?» (7). Но кто имеет в виду добродетель, тот презирает это рабское суждение о прекрасном. Во свете видит он прекрасное; обозначает же сим именем Божественное и высокое веселье. А светом называет оный свет воссиявающий от лица Божия, в естество Которого не может проникать чувство. «Знаменася на нас», сказано, «свет лица Твоего, Господи» (7). Ибо под лицом Божиим, усматриваемым в неких чертах, кажется мне, Пророк понимает не иное что, как добродетели; потому что ими отличается образ Божества. И сказав это, указывает совершенный признак добродетели: «дал еси веселие в сердце моем» (8), вместо души и ума именуя сердце; потому что уму не свойственно услаждаться приманками порока. Веселию же сердца противопоставляет Пророк это вещественное и житейское изобилие,

утверждая, что у имеющих в виду настоящее ценителем прекрасного бывает чрево. Ибо сказав, что у таких умножились пшеница и вино (8), под именем части совокупил в слов услаждения чрева и все удовольствия пиршеств, занимающие первое место в числе всяких вещественных развлечений, попечение о которых не приводит ни к какому успешному концу. Ибо в естестве человеческом для мгновенного наслаждения нет никакого хранилища, в котором бы могли мы запастись для себя удовольствие, со всем тщанием приобретенное. Но когда сластолюбцам кажется, что овладели они чем-то, как обманчивый какой-то призрак мгновенно исчезает, и обращается это в ничто, и, по удалении таковой мечты, остается один ее след — стыд, отпечатлевающий в них глубокий и неизгладимый образ того, что прошло, так что, подражая в искусстве ловцам, можно по следам распознать природу зверя. Ибо ловцы, когда добыча и невидима, по следу узнают животное.

Поэтому, если свинья или лев дает о себе знать собственными своими следами, то, конечно, естественно и свойству удовольствия делаться известным по оставленному им следу. Но след его есть стыд; следовательно и удовольствие, отпечатлевающее в душе такой след, без сомнения, есть или стыд, или то, чем производится стыд. Но это было уже нами рассмотрено в предшествовавшем сему месте; ибо по предположенному должно было показать из псалмопения, какой конец того и другого рода жизни, и добродетельного и порочного. Посему, сказав в поименованном выше псалме, что конец добродетели — мир, упокоение и вселение единообразное, не имеющее ничего общего с страстями, преуспевающее в уповании на общение с Богом, Пророк противоположное сему, как здесь дал видеть самым умолчанием, так и во многих местах псалмопения, возвещает громко, говоря: «беззаконницы изженутся, и семя нечестивых потребится» (Пс. 36, 28); и: «любяй неправду, ненавидит свою душу. Одождит на грешники сети» (Пс. 10, 5. 6). А есть тысячи и других мест, сему подобных; да и вся книга псалмов наполнена похвалами добродетели и осуждением живущих порочно. И напоминание исторических событий, направленное к двум целям, возбуждает соревнование добродетелию благоискусных лиц, и ужас лукавством осужденных. Ибо когда возбуждает тебя примером к добродетели, говорит: «Моисей и Аарон во иереях Его, и Самуил в призывающих имя Его: призываху Господа, и Той послушаше их. В столпе облачне глаголаше к ним» (Пс. 98, 6. 7). А когда указывает на худой конец порока, описывает страдания осужденных за лукавство. «Отверзся земля и пожре Дафана, и покры на сонмищи Авирона: пламень попали грешники» (Пс. 105, 17. 18). И: «сотвори им» яко «Мадиаму и Сисаре. Положи князи их яко Орива и Зива, и Зевеа и Салмана вся князи их» (Пс. 82, 10. 12), и многое иное, сему подобное. Все же частные внушения от начала до конца громко повторяет тебе псалмопение, ни в чем не оставляя без побуждения к прекрасному, ради чего человеку необходимо избегать порока. Все сопряжено с правилами, ведущими к прекрасному: потому что приобретение доброго делается удалением от противоположного и истреблением его. Но излишним было бы делом выставять все это в точности, когда для читающих сие Писание явна заботливость слова о подобном сему.

Глава 5. (О том, что весь состав псалмов делится на пять частей)

Весь состав псалмов делится на пять частей. И в сих отделах есть некое искусственное расположение и распределение. Объем сих отделов делается явным, однообразно заключааясь некими славословиями Богу, которые можно знать по указанному у нас разделению псалмопения. Число же псалмопений в каждом отделе следующее: в первом их сорок, во втором — тридцать одно; в третьем — семнадцать, в четвертом — столько же, в пятом — сорок и пять. Посему первая часть, начавшись с первого псалма, оканчивается сороковым, у которого последние слова: «благословен Господь Бог Израилев от века, и до века: буди, буди» (Пс. 40, 14), вторая же — семьдесят первым, у которого конец следующий: «благословен Господь Бог Израилев, творяй чудеса един, и благословенно имя славы Его во век и в век века: и исполнится славы Его вся земля: буди, буди» (Пс. 71, 18. 19); третья — восемьдесят осьмым, и заключается подобным же образом; ибо конец псалма таков: «благословен Господь во век: буди, буди» (Пс. 88, 53). Заключением четвертого отдела служит псалом сто пятый, которого конец подобен концу прочих отделов: «благословен Господь Бог Израилев от века и до века: и рекут вси людие: буди, буди» (Пс. 105, 48). Пятая же часть простирается от сего псалма до последнего, у которого конец: «всякое дыхание да хвалит Господа» (Пс. 150, 6).

Посему время теперь кратко сказать о том искусственном порядке, какой приметили мы в сих отделах. В первом отделе Пророк живущих порочно удерживает от неуместного заблуждения, привлекает же к избранию лучшего, чтобы не следовали они более обольщениям нечестивых, не

стояли твердой ногою на дурной стезе греха, не предавались пороку, постоянно и глубоко в них укоренившемуся, но прилеплялись к закону Божественному, при поучении себя в оном преуспев в непогрешительном шествии так, чтобы, подобно дереву, укоренился в них навык к лучшему, поддерживаемый Божественными учениями. Посему первое вступление на путь добра есть удаление от противоположного, следствием чего бывает общение с лучшим.

Вкусивший уже добродетели и собственным опытом уразумевший свойство добра, бывает таков не потому, что какую-то необходимостью и по вразумлениям другим отвлекается от пристрастия к пороку и обращает взор к добродетели, но потому, что паче всего жаждет лучшего; ибо непреодолимое и сильное желание псалмопевец уподобляет жажде, приискав между животными породу наиболее чувствительную к жажде, чтобы сила пожелания наипаче выразилась примером животного, чрезмерно жаждущего. И животное сие называет «еленем» (Псал. 41, 2), естество которого утучняется тем, что употребляет в пищу ядовитых зверей. А как соки сих зверей горячи и воспалительны; то елень, наевшись и отравившись их соком, по необходимости чувствует в себе сухость. И потому с большею жадностью желает воды, чтобы уврачевать происходящую от такой пищи сухость. Посему, кто по первой части псалмопения предначал добродетельную жизнь, вкушением познал сладость вожделенного, истребил в себе всякий пресмыкающийся вид похотения, и вместо зверей зубами целомудрия пожирает страсти; тот общения с Богом возжаждет паче, или столько же, как и «елень желает на источники водные» (Псал.41, 2). А достигшему источника после чрезмерной жажды естественно столько поглотить воды, сколько станет пожелания и сил вместить. Но кто принял в себя желаемое, тот полон того, чего желал; потому что соделавшееся полным не пустеет снова, подобно полноте в теле; и питье не остается недейственным само в себе, а, напротив того, Божественный Источник, в ком бы он ни был, в Себя претворяет к Нему прикоснувшегося и сообщает тому собственную Свою силу.

Глава 6. (Толкование 72 псалма ст.22-28)

Но Божеству собственно принадлежат сила надзора над существами и действительность. Посему, кто имеет в себе, чего желал, тот сам делается надзирателем и прозирает в естество существ. Потому третьему отделу псалмопения положено такое начало, на основании которого Писание (Пс.72) исследует наипаче, каким образом правда суда Божия сохранится при видимом житейском безурядстве, когда всего чаще не по достоинству произволении достается людям благоденствие в настоящей жизни; потому что в одном и том же нередко можно усмотреть две крайности, а именно: человек дошел до последней ступени порока и стоит на самом верху благоденствия. Иной, смотря на него, колеблется как-то мыслью: не лучше ли для естества человеческого то, что называется худшим? И, напротив того, не худо ли то, что причисляется к доле лучшего? Ибо, если справедливость хвалится, но ревнующий о ней живет несчастно; охуждается же порок, но возревновавшим о нем доставляет достаточное наслаждение всем, что желательно для людей; то почему должно признать, что выбор восхваляемой добродетели предпочтительнее для жизни осуждаемого порока? Посему, кто возвышен разумом, и, как бы с высокой какой башни, простирает око на отдаленные предметы, тот видит, в чем состоит разность порока и добродетели, а именно, что суд о них совершается не по настоящему, но по последнему. Ибо кто дальновидным и прозорливым оком души, как настоящее, уразумев то, что в уповании уготовано добрым, оставляет в стороне все видимое, проникает же душою внутрь небесного святилища, тот посмеивается нерассудительности людей, суд о прекрасном малодушно предоставляющих чувственности. Посему псалмопевец говорит: «что бо ми есть на небеси? и от Тебе что восхотех на земли» (Пс.72, 25). В той же части псалмов, с удивлением возвеличивая и превознося словом небесное, а что на земле и вожделенно очам несмысленных, то презрительно и с осмеянием унижая и представляя отвратительным, подобно тому, как если кто из родившихся в темнице тот мрак, в котором воспитан и вырос, почитает великим неким благом, потом, вкусив приятности быть под открытым небом, охуждает прежнее свое суждение, говоря: каким зрелищам солнца и звезд и всей небесной красоты, по неведению лучшего, предпочитал я привычный мне мрак, и псалмопевец потому же самому охуждает в слов нерассудительное мнение о прекрасном, говоря о себе, что он был «скотен» (22), пока видел благо только в земном. Но когда стал с Богом (Бог же Слово), и наставлен на правый путь, а вождем для него делается правое советом Слово, и увидел в добродетели славу, какую бывают восхищаемы обращающие взоры к небу; тогда употребляет оные речения, из которых одно всякое у людей благо вменяет в некое чудо, а другое с презрением отзывается о ничтожестве и суетности

обманчивой заботы о жизни. Все же изречение таково: псалмопевец говорит: «скотен бых у Тебе» (22), означая таковыми словами неразумное пристрастие. Потом присовокупляет: «и аз выну с Тобою» (23). Сказав же сие, указывает и способ единения с Богом, чтобы и мы дознали, как тот, кто прежде был «скотен», после сего вступает в единение с Богом; ибо говорит: «удержал еси руку десную мою» (23). Божию помощью называет направление разума к делам правым. «И советом Твоим наставил мя еси» (24); потому что наставление к прекрасному не бывает без Божия совета: «и со славою приял мя еси» (24). Прекрасно стыду противопоставляет славу, которая как бы некоею колесницею и крылом служит для приемлемого под Божию руку, как скоро отчуждит кто себя от дел постыдных. И таким образом псалмопевец присовокупил к сказанному; «что бо ми есть на небеси? и от Тебе что восхотех на земли?» Так, конечно, поступают доныне многие из людей, хотя в их власти и таковые блага на небе, однако же признают они достойным молитвы просить себе у Бога сих мечтательных обольщения, владения чем-нибудь, или почести, или богатства, или жалкой этой ничтожной славы, за какую с безумием гоняется человеческий род. А приобретающий блага небесные в след за тем присовокупляет: «мне же прилеплятся Богови благо есть, полагати на Господа упование мое» (28), показывая, что, некоторым образом, тот входит в единение с Богом, кто прилепляется к Нему упованием и делается с Ним едино.

Глава 7. (Толкование 89 псалма)

Итак, в третьем отделе, по совершении такового восхождения в высоту, до такой меры вознесенный мыслью и вступив еще на высшую степень, человек делается сам себя больше и выше в четвертой части, как бы, подобно Павлу, восшедший на треть некое небо и став выше пройденных дотоле высоте; потому что вступает туда не как простой человек, но как прилепившийся уже к Богу и вступивший с Ним в единение. Слово же, начиная следующую часть, говорит так: «молитва Моисею, человеку Божию» (Пс. 89, 1). Ибо таков уже этот человек, что не сам назидается законом, но для других делается истолкователем закона. Таков был оный великий Моисей, о котором слышим, что добровольно отверг он царское достоинство, как бы некий прах, отрясенный ступнею ног (Евр. 11, 24—27), будучи сорока лет, отлучил себя от общения с людьми, и, живя один, сам с собою, в безмолвии неразвлекаемо погружался в созерцание невидимого; после чего озарен был светом неизреченным (Исх. 3, 2), и отрешил душевные стопы от кожаной и мертвой обуви; египетское войско и мучителя истребил одна за другою последовавшими казнями, Израиля же от мучительства освободил светом и водою. Для него после Египта все время было одним непрерывным днем, потому что ночь не отемняла его мраком, по дневном шествии сеяние лучей сменял другой свет, снова воссиявавший из облака, так что, хотя, по необходимому круговращению, скрывалось от них солнце, однако же оставался непрерывный и непреемственный свет от сеяния столпа, без промежутка времени следовавший за сеянием лучей солнечных. Горькую и неприемную воду усладил он деревом и камень для жаждущих претворил в источник, за земную пищу вознаградил небесною; острозрителен был в Божественном мрак и видел в нем Невидимого, описал нерукотворенную скиню, достойно уразумел украшение священства, приял Богописанные скрижали и, по сокрушении их, истесал снова, носил на лиц знаменья явившейся ему Божьей силы и светлостью лица, как бы неким сеянием лучей, заставлял отворачивать взоры недостойных с ним встречи, осудил на сожжение огнем и на поглощение землю восставших против священства, истребил поругавших Божественную благодать, волхование Валаамово обратил в благочестие; и кончина его, как повествуется, была выше жизни; взошедши на вершину горы, ни следа, ни памяти земной скорби не оставил он меру, от времени не переменял прекрасных черт лица, но в изменяемом естестве сохранил неизменность красоты. Они-то служит началовождем в четвертом восхождении и вместе с собою возносит того, кто, пройдя уже три указанные прежде степени, соделался великим. Ибо кто на сей высоте, тот, некоторым образом, стоит на общем пределе изменяемого и Неизменяемого естества, и соответственно сему посредствует между крайностями, Богу принося моления за изменившихся по причине греха, помилование же передавая от Превышей власти имеющим нужду в помиловании. Почему и из сего можем дознать, что, чем более далек кто от перстного и земного, тем паче приближается к Естеству, превосходящему всякий ум, и благотворностию уподобляется Божеству, делая то, что свойственно Естеству Божественному; свойственным же называю благотворить всякому, имеющему нужду в благотворении, в той именно мере, в какой то для него потребно.

Такую мысль нашел я в этом псалмопении, имеющем сие надписание: «молитва Моисею

человеку Божию». Поелику над человечеством возобладало зло греха, и, отторгнутое от единения с добром, погрязло оно в противоположных страстях, и возымело нужду в чьем либо ходатайстве пред Могущим воззвать его из погибели; то место ходатая заступает Божии человек, испрашивающий извинения падению соплеменных и преклоняющий Божество на милость к погибшим. Ибо немедленно как бы оправдывается пред Внемлющим ему, и говорит, что одному Богу свойственно быть твердым во всяком добре и всегда одинаковым, человечество же подлежит превратности и изменению, никогда не пребывает в том же, восходит ли к лучшему, отпадает ли от общения с лучшим. Посему просит, чтобы непреложное соделалось прибежищем во спасение блуждающему во всяком роде.

Вот точные слова псалма: «Господи прибежище был еси нам в род и род» (Пс.89,2). Почему это сказано? Потому, — продолжает, — что Ты — прежде твари, объемлешь все вечное протяжение от того мгновения, когда естество века восприяло свое начало, и до того мгновения, когда придет конец; конец же нескончаемого — беспредельность: «прежде даже горам не быти и создатися земли и вселенной, и от века и до века», говорит псалмопевец, «Ты еси» (3). А человеческий род, по изменяемости своего естества с высоты благ совлеченный до низости и поползновенности греха, унился. Посему, говорит Пророк, Ты, непоколебимый, простри руку поползнувшемуся. Чем Ты по естеству, тем пребывая и для нас, с той высоты, какая у Тебя, «не отврати человека во смирение» греха (4). Потом Пророк делается служителем Владычного слова и произносит человеколюбивое изречение, говоря: потому что «и рекл еси: обратитесь сынове человечести» (4). А такое слово заключает в себе особенное учение; ибо обращено к естеству, и в нем предлагается врачевство от зол. Поелику вы, говорит оно, будучи изменчивы, уклонились от добра, то воспользуйтесь обращением снова к добру; и откуда ниспали, туда опять возвратитесь; так как в произволении людей свободно избирать для себя, что хотят, доброе ли то, или дурное. Последующее за сим содержит другое учение. Ибо сказано: «яко тысяща лет пред очима Твоима, Господи, яко день вчерашний, иже мимо иде. Уничижения их лета будут» (5, 6).

Чему же научаемся из сего догматически? Тому, что для приступающего по обращении снова к добру, если жизнь его была изъязвлена тысячами прегрешений, скопление злых дел кажется подобным тысяче лет; но как скоро он обратился, Бог ни во что ему не вменяет сего; потому что Божие око взирает всегда на настоящее, не вменяет же прошедшего; напротив того, признается сие у Бога за один день или за часть ночи, которые прошли и миновались. Порочный же поступок в настоящем, хотя согрешающими ставится он в ничто, пред очами Божиими то же, что множество лет. Ибо сказано: «уничижения их лета будут». Прекрасно же и прилично Пророк прегрешения именует «уничижениями»; потому что делающий худое обыкновенно как-то погрешительный свой поступок почитает за ничто, и для каждого злого дела находит какие-либо оправдания, так что о каждом готов сказать: и похоть ничто, и гнев ничто, и все сему подобное ничто; потому что это движения естества, а естество — Божие дело. Посему не признает ничего этого чем-либо худым и Назирающий жизнь человеческую. Потому и Пророк говорит, что «уничижения их», когда они еще в произволении делающего, а не миновались, в очах Божиих признаются каждое за множество лет. А чтобы паче преклонить Бога на милость, Пророк снова изображает словом скоротечность естества нашего. Ибо, в примере представляя сие взору, ясно скажет, что надлежит думать о бедности нашего естества, об утре и вечере, то есть, о юности и старости; утром трава, и цвет, и появление в свете. А что остается после сего, когда с возрастом истощилась влага, растение отцвело, и сродная красота исчезла? — сухость и увядание. Ибо так говорит слово: «утро, яко трава, мимо идет, утро процветет, и преидет, на вечер отпадет, ожестеет и исхнет» (6). Вот естество человеческое!

В последующих же за сим словах Пророк еще более оплакивает человечество, говоря, что гневом истощается жизнь человеческая, как бы ветром каким, обуреваемая приражением ярости. Явно же, что гневом и яростью означает ту мятежную деятельность, от которой у людей происходит как оскудение жизни, так и смятение покоящегося. Выражено же сие так: «яко исчезохом гневом Твоим и яростию Твоею смутихомся» (7). И в след за тем к словам сим присовокупляет, что человеческому пороку не прилично делаться зрелищем для Бога, и пречистому лицу не должен являться оскверненный грехами век наш; объясняя же такую мысль словами, выражается так: «положил еси беззакония наша пред Тобою» (8). Если иной приведет в большую ясность речь сию, дополнив словом: для чего? — то смысл изречения будет таков: Тебе прилично иметь пред очами хорошее; а беззаконное не достойно того, чтобы Тобою было видимо. Посему сделай человечество таковым, чтобы не было оно недостойным Твоего воззрения, а, напротив того, век наш стал достойным явиться пред Тобою. А что с нами теперь, то «вси дние наши оскудеша» (9); потому что не быть в Тебе значит вовсе не быть: над кем превозможет владычество гнева, жизнь тех не состоятельна, походит на тень, подобна паутинной ткани.

Как она бывает видна, пока остается связною; но если кто наложит руку, немедленно, от прикосновения перстов распавшись, уничтожится: так и жизнь человеческая, несостоятельными усилиями, как бы из воздушных неких нитей всегда соплетаемая, напрасно старается соткать себе ткань неосуществимую, которой если коснется кто твердым помыслом, то избежит прикосновения, и обратится в ничто сей напрасный труд; потому что все, чего домогаются в этой жизни, есть мечта, а не существенность. Мечта — честь, достоинство, род, надмение, пышность, богатство, и все сему подобное, в чем поучаются науки этой жизни. Потому-то все подобное имеет нужду в уврачевателе Боге. Таков, думаю, смысл сказанного тем, кто говорит: «дни лет наших в нихже семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь» (10), не потому, что для живущего сверх этой меры жизнь многоболезненна, но потому, что и сей столько краткой жизни большая часть проходит в труде и болезни: младенчество — болезнь, юность — труд, жизнь в середине более изобилует болезнями, а старость самую сединою и морщинами преимущественно свидетельствует о множестве трудов.

Пророк примышляет и другой еще способ, которым бы Божество могло быть умиловлено к людям; смысл же сказуемого таков: бремя грехов наших навлекает великое наказание, но состоятельность естества нашего маломощна и не вынесет гнева, заслуженного прегрешениями. Но когда налагаемое на нас в наказание было бы сносно, тогда и сего достаточным оказалось бы для вразумления претерпевающих. Поэтому, если и легкого воздаяния будет довольно для вразумления и наказания, кто выдержит державу гнева? Или какое число возможет измерить страх ярости? Посему, если гнев не выносим, сносен же образ действия, соединенный с человеколюбием; то «десницу Твою тако скажи нам», чтобы делаемое Тобою нам вразумление могли мы принять, как дело премудрости, а не как наказание. Так, после изложенного нами наперед смысла, уместно будет привести и самые богодухновенные речения, которые читаются так: «яко прииде кротость на ны, и накажемся. Кто весть державу гнева Твоего? и от страха Твоего ярость Твою исчисти? Десницу Твою тако скажи ми, и окованная сердцем в мудрости обрати» (10. 11. 12). Прекрасно же и то изречение, которое непосредственно за сим присовокуплено к сказанному. Пророк говорит: по немощи естества, величие гнева, какое движет на нас грех, не выносимо, между тем, имеем нужду во вразумлении: да вразумит же нас лучше спасение посредством обращения, нежели наказание по грехам нашим. Потому обрати нас, Господи, ни мало не отлагая сего до времен благодати: ибо словом: «доколе» означает ускорение благодати. И продолжает: «умолен буди на рабы Твоя» (13); потому что примиришься не с чужими, но с собственными Своими рабами, потом, как сподобившийся уже благодати и увидевший оный свет, которым просвещается тьма блуждающих в жизни сей, и которым начинается день добродетельной жизни, говорит: «исполнимся завтра милости Твоея, и возрадовахомся и возвеселихомся: во вся дни наша возвеселихомся» (14. 15), потому что радость, почерпаемая в Тебе, последовала за временем, проведенным в унижении греха, и лета порока миновались. Так разумеем сказанное: «за дни в няже смирил ны еси, лета в няже видехом злая» (15). Так ободряет просвещаемых обращением, называя чадами дел Божиих; ибо говорит: «призри на рабы Твоя, и на дела Твоя» (16); указывает на происшедших от Авраама патриархов, потому что они в подлинном смысле дела Божии;— «и настави сыны их» (16), ибо, совершающее дела Авраамовы делаютя чадами патриархов, за добродетели присвоаемые в родство ими. Потом напоследок посредством чистоты соединяет Бога с человечеством, умоляя, чтобы светлость Божия посредством чистой жизни воссияла и в нашем мире; ибо говорит: «буди светлость Господа Бога нашего на нас» (17); чтобы все начинания жизни нашей приносили спасительный плод, и все, что ни делаем, клонилось к одной цели. Потому, сказав во множественном числе: «и дела рук наших исправи на нас» под словом: «дело» совокупив многое, продолжает: «и дело рук наших исправи;» потому что разнообразная и многовидная попечительность о добродетелях делается многомощною, доставляет спасение преуспевающему.

Так, Пророк разумение восходящих с ним вместе возносит на четвертую степень псаломского восхождения и поставляет выше всякой суеты, о какой заботятся многие в настоящей жизни, показывая им, что подобная паутин и несостоятельная вещественной жизни обольстительность не приводит осуетившихся ни к какому доброму концу.

Глава 8. (Толкование 106 псалма)

В след за сим способного идти за ним до высоты и твердым крылом расторгшего сплетения житейских паутин Пророк в пятой части псалмов возводит как бы на какую вершину, на высочайшую

степень созерцания. Едва опушившиеся и неокрепшие при слабом и не быстром полете, подобно мухам, лакомясь липкостями настоящей жизни, как мрежами какими, оплетаются и опутываются сетью таковых нитей, разумею, забавы, почести, славу и различные пожелания и, как бы обернутые паутинными какими тканями, делаются добычею и пищею этого зверя, уловляющего их такими вещами. А если кто по естеству быстр, как орел, неуклонным оком души взирает на луч света и, простираясь в высоту, приблизится к таким паутинным тканям; то при одном взмахе крыл в стремительности полета уничтожает все, сему подобное, что ни приблизилось бы к крылам.

И такового возвышенный Пророк, восхитив с собою, ведет на вершину пятого восхождения, в котором заключается как бы вся полнота и главизна человеческого спасения, ибо в объясненном выше псалме словами Моисеевыми изложив пространно любомудрое учение об изменяемом и неизменяемом, и именно, что одно всегда пребывает тем, что оно есть, а другое непрестанно делается тем, чем оно не есть; потому что изменение есть переход из того, каким есть, в то, каким не есть, и, показав, что естество наше свободно одною и тою же силою, как ниспадает во зло, так чрез обращение снова возводится к добру, и потому возможно светлости Божьей снова воссиять в жизни человеческой, теперь открывает в слове всю благодать, подаваемую нам Богом, многообразно представляя ее взору тех, которые с высоты смотрят на чудеса Божии. Ибо не удовольствовался тем, чтобы в одном виде показать благодать, а, напротив того, в различных видах изображает бедствия, в какие впали мы, по наклонности к злу, и многообразно описывает оказываемое нам Богом содействие в добре, чтобы преизбыточествовали поводы к благодарению, когда по мере благ избыточествует благодарность к Богу.

Начиная слово, Пророк немедленно говорит: «исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его» (Пс.106, 1), под исповеданием разумея теперь благодарение, а не возвешение, повелевает за одну единственно благость прославлять Бога, означая сим то, что все доброе и спасительное, соделанное для людей Богом, совершено по благодати и благости, а нами не подано никакой причины к оказанию нам добра. Напротив того, мы пребываем во всяком пороке, Бог же не отступает от собственного Своего естества, но что Он есть, то и творит; так как благому по естеству неестественно было бы соделать что либо иное, кроме свойственного Ему. «Да рекут»,— говорит Пророк, — «избавленной Господем, ихже избави из руки врага и от стран собра их, от восток и запад, и севера, и моря» (2, 3). Слово благовествует сие о всецелом возвращении к добру человеческого рода; ибо в семь изречений словом: «избавление» означает воззвание из пленения. Бог же в искупление за одержимых смертью Себя Самого дал имеющему державу смерти. И поелику все были под стражею смерти; то, как очевидно, всех искупает сею ценою, так что, по совершении искупления целого рода, никто не оставлен под владычеством смерти; потому что и невозможно кому-нибудь пребывать в смерти, когда нет уже смерти.

Посему слово, целую вселенную разделив по положению на четыре части, ни единой из них не оставило не участвующею в Божьем избавлении, и говорит: «от восток и запад, и севера, и моря», морем означая юг. Посему, вкратце представив благотворность, с какою Бог действовал на весь человеческий род, после сего в несколько приемов описывает падение людей в зло и Божье руководство каждого из падших к лучшему, говорит же так: «заблудиша в пустыни безводней» (4), т. е. оставив путь (а путь есть Господь), блуждали вне Божия надзора в пустыне, которая вся была суха, не увлажнена и лишена духовного орошения. А посему, блуждая, где не проложено пути, не возмogli обрести града Божия, в котором обитель достойных. Ибо сказано: «града обительного не обретоша: алчуще и жаждуще» (4, 5).

Как скоро от недостатка пищи оскудела их сила, зло в них достигло высшей степени. Да и как быть пище в земле иссохшей и бесплодной? Чем утолить жажду в месте безводном? Явно же, что пророчество называет не хлеб пищею, и не воду питием, а под пищею разумеет истинное «брашно» и под питием «духовное» оное «пиво» (1Кор. 10, 3. 4). А тем и другим бывает Господь, предлагая Себя, соответственно нужде требующих и делаясь пищею для алчущих, и источником для жаждущих. Посему какое нашлось избавление от таковой тесноты, от скитания по пустыне, от бедствования в стране безводной, от расслабления производимого голодом? Подлинно чудо! Один глас, обращенный к Богу, претворил все в добро. Ибо сказано: «воззваша ко Господу, внегда скорбети им, и от нужд их избави я: и настави я на путь прав, внити во град обительный» (Пс.106, 6. 7). Путем, от которого уклонились, Пророк называет Самого Господа. Путь же сей говорит в Евангелии: «никто не приходит ко Мне, если Отец Мой не восхощет привлечь его» (Иоан.6, 44).

Посему Бог изводит на путь заблудшихся, и Он Сам делается «градом обительным», как говорит Апостол: «Нем живем и движемся и есмь» (Деян.17,28). Посему Пророк сподобившимся сих милостей к стати присовокупляет увещание воздать благодарение: «да исповедят Господеви милости Его, и

чудеса Его сыновом человеческим» (Пс.106, 8), то есть, благодеяния да не скрывают в молчании по непризнательности, но да с благодарением провозглашают милость, по которой Бог душу «тщю» соделал исполненною благ: ибо Пророк говорит: «насытил есть душу тщю, и душу алчущю исполни благ» (9).

Пророк еще другим способом представляет взору бедствия нашего естества и изображает Божие человеколюбие, по которому естество наше уготовляется к лучшему. А смысл сказуемого Пророком таков: человечество удалилось от света и склонилось ко греху, и не в прямом уже оно положении, но отчуждено от жизни истинной. Ибо сказано: «седающыя во тме и сени смертней, окованныя нищетою и железом» (10). Удерживаемое тяжкими оковами стало человечество недвижимо из области зла; оковами же служить обнищание в добре, подобно какому-то железу, обложившее собою сердца. И началом всему этому было непослушание Божию закону, и отвержение совета Всевышнего. Сие означает Пророк, говоря: «яко преогорчиша словеса Божии и совет Вышняго раздражиша» (11). За сим жизнь таковых людей, как и естественно, постигли труд и смирение. Труд, как лишившихся пищи, смирение, как невосхотевших пребывать в единении с Всевышним; ибо Пророк говорит: «смирися в трудех сердце их?» (12), а оставление силы не иное что есть, как изнеможение; потому, что найдется ли какая помощь без силы, почему и сказано: «изнемогоша, и не бе помогай» (12).

Но Пророк опять одним словом бедствия сия пременяет в веселие; ибо говорит: «воззваша ко Господу, внегода скорбети им, и от нужд их спасе я» (13). И уничтожает тьму, сокрушает смерть, расторгает узы. «Изведе я, сказано, из тмы, и сени смертныя, и узы их растерза» (14). А посему, — продолжает Пророк, — да проповедуется с благохвалением милость, что сокрушена неизбежная стража смерти, огражденная, как говорит Пророк, вратами медными и верями железными. Ибо таковою почитаема была сила смерти, пока явлением жизни истинной не уничтожена держава смерти, потому что все, находившееся внутри оной, оставалось не имеющим возможности бежать, задерживаемое как бы какими-то железными верями и несокрушимыми вратами. Но «сокруши», — сказано, — «врата медная и верей железныя сломи» (16). А сие значит, что путь беззакония их уничтожен, и жизнь приуготована к благочестию; и уничтожением оных врат означаетсся возвращение жизни к праведности, ибо сказано: «восприят я от пути беззакония их» (17).

Пророк и иначе еще изображает в слове бедственное состояние человечества; выражает же ту мысль, что беззаконие есть смирение. И говорит это прекрасно; потому что с таковым понятием согласуется одно место у другого Пророка, который говорит о беззаконии, что сидит оно на талант свинца, (Зах. 5, 7. 8), показывая тем, что порок есть что-то тяжелое и стремится в низ, а что, по подобию Божию, на высоте, то увлекает в свою бездну; ибо сказано: «беззаконии бо ради своих смиришася» (Пс. 106, 17), и потому отвратились от всесильной оной пищи, о которой слово скажет первоизданным: «от всякаго древа, еже в рай, снедию снеси» (Быт. 2, 16). Как полноту всякого блага именует там оно «всяким древом», так здесь истинную и всесильную снедь именует «всяким брашном», отвращение от которого производит изнеможение, оканчивающееся смертью. Скажет же так: «всякаго брашна възгнушася душа их, и приближишася до врат смертных» (18). И глас к Богу снова бедствие сие обращает в торжество; ибо сказано: «воззваша ко Господу внегода скорбети им, и от нужд их спасе я» (19). Пророк пересказывает и образ спасения, и это сказание есть прямое Евангелие. Ибо говорит: «посла Слово Свое и исцели я, и избави я от растлений их» (20). Видишь живое и одушевленное Слово, во спасение погибших посылаемое и избавляющее от тления подвергшегося тленью! Какой Евангелист так открыто провозгласил сие таинство? Посему да восхваляется, сказано, милость испытавшими на себе благодеяние, и хвала за благодеяние да соделается песнопением. «Да пожрут Ему жертву хвалы; и да возвестят дела Его в радости» (22). После сего снова представляет Пророк страдания, и снова после страданий присовокупляет слово о Божьей милости. Скажет же о безрассудстве людей, что оставив постоянную и неволненную человеческую жизнь, по произволению соделались жителями моря. Ибо говорит: «сходящш в море в кораблях» (23), и вместо того, чтобы «делати рай» (Быт. 2, 15), в котором прежде были поставлены, «творящии делание» под водами. Морем же называет вещественную эту жизнь, возмущаемую всякими ветрами искушений, и волнуемую одна за другой непрестанными страстями. Ибо говорит: «творящии делания в водах многих: тии видеша дела Господня, и чудеса Его во глубине» (Пс.106, 23. 24); потому что, будучи погружены в порочность жизни и многократно претерпевая жестокие душевные крушения, видели над собою дела человеколюбия Спасяющего нас из глубин.

Ибо сказано: «рече, и ста дух бурен» (25). Сию мысль относить должно не к Богу, а ко врагу; потому что голос сопротивника производить «дух бурен». И бурю называется сильный ветер, не прямо дующий, но кружащийся сильным вихрем, который, когда стремительно ударит в воду, море, как от какого-то брошенного большого камня, сею тяжестью будучи приведено в смятение, по

необходимости рассекается силою дуновения, потому что вода, где только врежется налегший на нее ветер, от поражающей ее тяжести и здесь и там отбрасывается вверх. Поэтому Пророк продолжает ясно представлять сии страшные явления, а именно: что вместе с тем, как врывается дух бурный, возносятся волны морские, восходя «до небес» и нисходя «до бездн» (26). Ибо, действительно, подыятие в высоту таких волн, разумею же волны страстей, делается причиною нисхожденья в бездну. А бездною, как дознали мы, во многих местах Писания называется жилище демонов. Волнуемые сим смятением и обуреванием волн, от омрачения делаются малосмысленными, от неприятности такого плавания, как бы от опьянения, отяжелев головою. Ибо сказано: «смятошася, подвигошася яко пияный» (27). Однажды же утратив благоразумие, не дают они в себе место никакой мысли о спасении; напротив того, мудрость их прежде всего терпит крушение и погибает. Посему сказано: «и вся мудрость их поглощена бысть» (27).

И для них опять, при таком множестве зол, прекращением невыносимого бедствования бывает воззвание к Богу. Сказано: «и воззваша ко Господу внегда скорбети им, и от нужд их изведе я» (28). И немедленно буря пременилась в благоприятный и попутный ветер, и утихает от волнения приведенное в безмолвие море. Сказано: «и повеле бури, и ста в тишину, и умолкоша волны его» (29). А словом: молчание Пророк, может быть, дает разуместь, что волны суть некие произволением одаренные силы, какими обнаруживает себя то отступническое естество, которому Господь сказал в Евангелии: «молчи, престани» (Марк. 4, 39). А тихим ветром называет благодать Духа, которая, при управлении кормилом и плаванием Слова, под умными ветрилами вводит душу в Божественную пристань: ибо сказано: «и настави я в пристанище хотения Своего» (30). После сего Пророк снова повелевает людям и Церкви песнословить благодать, изображая словом едва не на песнословить благодать, изображая словом едва не настоящее состояние Церквей, а именно, что на седалище начальствующих проповедаются сии чудеса Божии, которыми утверждается вера в слушающих. Ибо сказано: «да вознесут Его в Церкви людстей, и на седалищи старец восхвалят Его» (32). Пророк присовокупляет и причины благодарений, а именно, что от Бога реки и появляются, и исчезают: уничтожаются потоки порока, исходища же добродетелей орошают места, дотоле сухие. Ибо говорит: «положил есть реки в пустыню, и исходища водная в жажду» (33). «Реками» называет притоки страстей, и «исходищами водными» — непрерывные ряды худых дел; потому что люди, присовокупляя всегда лукавое к лукавому, подобно какому-то потоку, удлиняют цепь пороков.

Но сказано еще: «и землю плодоносную» обратил «в сланость» (34). Ибо душа, многоплодная для злых дел, будучи претворена, стала жаждущею, как приправленная Божественною солью учения, чтобы не умножалась более порочность живущих, будучи питаема дурными притоками вод, а душа, осоленная и жаждущая, восприяв блаженную жажду и наводнившись собранием добродетелей, соделалась озером. Ибо сказано: «положил есть пустыню во езера водная, и землю безводную во исходища водная» (35). И сие-то делается градом, который населяют алчущие правды.

Ибо никто из утративших вкус и пожелание пищи, с душою пресыщенною пороком, не поселяется близ сего озера и сих вод. Они же засевают «села» и насаждают «винограды». Такими загадочными наименованиями означает Пророк Божии заповеди и добродетельное житие, потому что заповедь есть семя будущего плодоношения, а добродетель — виноградная лоза, изливающая вино из словесных гроздов в чашу премудрости. Сие же не иное что есть, как обилие благословения. Посему Пророк говорит: «и благослови я, и умножишася зело: и скоты их не умали» (38). Скотами называет покорное служение душевных движений, когда каждое из них в нас способствует добродетели. Раздражительность — добрый скот, когда бывает под ярмом рассудка. Другой добрый скот — пожелание, некоторым образом на хребте держащее и носящее душу, даже возводящее в высоту, как скоро бразды ума направлены горе. И все прочие скоты умножаются благословением, как скоро служение их нам содействует чему либо великому.

Потом Пророк в продолжении слова излагает краткую перечень всего сказанного. Ибо, многими чертами изобразив страдания и представив взору Божии благодеяния, теперь заключив то же в краткую речь, снова повторяет в слове, когда говорит: «и умалишася и озлобишася от скорби зол и болезни» (39), «умалением» означая маловажность и совершающееся с высоты и величия низведение до низости; ибо малое по понятию означает самое маловажное; а под озлоблением разумеет освоение с злом. «Скорбию» же и «болезнию» везде называет конечную утрату благ, как в другом псалме описывает подобное сему, говоря: «объята мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя, скорбь и болезнь обретох» (Пс.114,3). «Болезнями смертными» и «бедами» назвав грехи, указывает и предел, к которому окончательно приводит свойство греха, и который есть не иное что, как скорбь и болезнь. Так Евангелие словом: «плачь и скрежет зубом» (Мф.24, 51) означает то же самое.

Потом в след за сим присовокупляет Пророк: «излияся уничтожение на князи их» (Пс.106, 40). А

Его» (2), велегласием уподобляясь уже трубам, не маловажное что либо возглашая, по сказанному: «хвалите» Господа «во гласе трубнем» (3), когда в обилии и разнообразии добродетелей подражает она стройности вселенной по мерному складу песнопения, делается пред Богом органом (Писание же в некоем иносказательном значении именует это «псалтирию и гусями» (3)); а после сего, отложив всякое земное мудрование, все не издающее гласа и послушания, в велегласии тимпанов, с небесными ликами сочетавает звук собственных струн (струнами же, натянутыми в орган, будут в каждой добродетели непоползновенность и непреклонность к пороку; отчего произойдет прекрасное созвучие кимвала и струне); когда звук кимвалов возбудит усердие к Божественному ликостоянию (чем, кажется мне, объясняет Пророк связь нашего естества с Ангелами, именно говоря: «хвалите» Господа» «в кимвалех доброголасных» (5), потому что таково собрание, разумею, естество ангельское и человеческое), когда человеческое естество будет возведено в первоначальный свой жребий, и при взаимном своем столкновении издаст сладостный глас благодарения, и друг через друга и друг после друга непрестанно будут воспевать благодарность, приносимую Богу за человеколюбие (так как на сие указывает соединение кимвала с кимвалом: один кимвал есть премирное естество Ангелов, а другой кимвал — разумная тварь, человек, только грех разделил их друг с другом): посему, когда человеколюбие Божие оба лика снова сопряжет между собою: тогда, из двух став едино, возгласят оную песнь, как говорит великий Апостол: «всяк язык исповесть небесных и земных и преисподних яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Фил. 2, 10. 11). По совершении сего, когда враг уничтожен, звук кимвалов сих, издаваемый общим собранием, провозгласит победную песнь. А по конечном уничтожении и приведении врага в небытие, во веки всяким дыханием равночестно совершаться будет непрерывная хвала Богу. Ибо так как «не красна похвала во устех грешника» (Сир. 15, 9), грешника же тогда не будет, потому что не будет и греха; то, без сомнения, в веке том «всякое дыхание восхвалит Господа» (6).

Посему таковой путь к блаженству указан нам сим высоким любомудрием в псалмах и путеводимых ими на высоту возводит он всегда к тому, что еще важнее и выше в добродетельном житии, а именно человеку указывает возможность достигнуть такой меры блаженства, что о превышающем сию меру и разум не в состоянии по каким-нибудь догадкам и предположениям заключить что либо, и слово не находит, что сказать о следующем за нею по порядку, да и самая надежда, которая во всем простирается далее и далее, оставляя позади себя наше пожелание, как скоро приближается к превышающему упование, остается в бездействии, а что выше сего, то лучше чаемого, как свидетельствует и самое любомудрие псалмопения, усмотренным в нем порядком.

Оно с первых же слов, как бы некую дверь и вход в блаженную жизнь, отверзает нам в удалении от зла (ибо сему учат первые речения псалмопения, началом блаженства называя отчуждение от зла), потом предлагает заблуждающим руководство закона, обещая вследствие таковой жизни уподобление всегда зеленеющему дереву, и, показав горести идущих противоположным путем, последующими за тем восхождениями пользующегося сим руководством возводит на самый верх блаженства. Ибо сие показывает тебе смысл последнего псалма, по которому, при восклицании вступивших в союз и общий лик Ангелов и человеков, совершится единое торжество, и все вознесет согласную хвалу Богу, равно в твердости силы восприяв непреклонность к пороку, и «величеству Его», как бы велегласною какою трубою вознося благохвалебный глас. Когда в один лик устроится вся тварь из всех горних и дольних, и тварь разумная, даже разделенная ныне грехом и несогласная между собою, по нашем согласии, подобно кимвалу, издаст добрый глас; когда стекутся вместе и ангельское и наше естество, из слияния сего составившийся Божии полк, при поражении врагов, провозгласит победную песнь Победителю: тогда от всякого дыхания вознесется хвала, на всегда продолжающая милость, и своим приращением непрестанно увеличивающая блаженство, разумею то истинное блаженство, при котором бездейственно гадающее о ведении разумение, бездейственна также и упованием поощряемая наша деятельность; заступит же их место неизреченное, недомыслимое, всякого разумения превысшее состояние, которого и око не видело, и ухо не слышало, и сердце человеческое не вмещало (1Кор. 2, 9). Ибо так Божественный Апостол определил блага, уготованные в святине.

Книга 2. (О различных надписаниях и о порядке псалмов сообразном с восхождением души)

Глава 1. (Перечисление различных надписаний)

После сего сделанного нами разбора псалмов, время войти в рассмотрение и надписаний, потому

что и они подают нам немалое пособие в пути к добродетели, как можно дознать сие из самого смысла в надписанном. Да и необходимо прежде обозрения псалмов первоначально и вкратце сделать искусное некое объяснение надписаний, чтобы и из сего стало для нас наиболее явным, что вся цель Богодухновенного сего учения — возвести разумение к истинному блаженству.

Итак, из псалмов иные вовсе не надписаны; другие имеют у нас в надписании имя Пророка, но не имеют у Евреев; у иных надписанием служит просто имя Давида; а у других вместе с сим именем надписывается нечто и другое, или «хвала» (90) и (144), или «песнь» (75), или «псалом» (3), или «разума» (31), или «молитва» (16), или «исхода скинии» (28), или «обновления» (29), или «изступления» (30), или «в воспоминание» (69), или «во исповедание» (99), или «отроку Господню» (35), или «Идифуму» (38), или «Емаву Израелитянину» (87). В других псалмах делается надписание из некоторого сочетания сих имен или речений, одно к другому приписанных: так надписание делается из сочетания поставленных при имени Давида речений: «песнь псалма» (65), или «псалом песни» (67), или «песнь», или «псалом», или «в песнях псалом» (66), или «в песнях разума» (53), или «молитва Давиду» (85), или «молитва нищаго» (101), или «хвала песни» (92) и других тому подобных речений. Опять и с сим вместе в других псалмах надписывается нечто иное. Всего чаще пишется: «в конец»; но с сим речением надписываются вместе и другие различные по виду и смыслу: так, например, пишется: или «о имущих измениться» (68), или «о тайных» (45), или «о наследствующем» (5), или «о осмей» (11), или «о точилех» (8), или о «заступлении утреннем» (21), или о «Маелефе» (52), или «о людех, от святых удаленных» (55), или «да не растлиши» (74), или «в столпописание» (59), или то и другое вместе (56 и 58), или «о Соломоне» (71), или «песнь о возлюбленном» (44), или «о тайных сына» (9), или «во исповедание» (99); или какое-нибудь историческое обстоятельство, например: когда «был в вертепе» (141), или «внегда посла Саул, еже умертвити его» (58), или «внегда быша в пустыни» (62), или «о словесех Хусиевых» (7), или «внегда измени лице свое пред Авимелехом» (33), или «внегда приити Зифеем» (53), или «внегда приити Доику Идумейску, и возвестити Саулу» (51), или во дни, когда «избави его Господь от руки всех враг его, и из руки Саули» (17), или «внегда возвратися Иоав, и порази дебрь солей, дванадесять тысящ» (59), или «внегда внити к нему Нафану Пророку, егда вниде к Вирсавии» (50).

У некоторых псалмов надписанием служит еврейское слово: «аллилуия», и притом написанное или дважды, или однажды. У других же псалмов в надписании то же слово сочетается с именами некоторых Пророков, например: «аллилуия Аггея и Захарии» (145), «аллилуия Иеремии и Иезекииля». Есть еще и другой вид надписания, например: или «сыном Кореовым» (41), или «Идифуму» (38), или «Асафу» (49); над одним псалмом по преимуществу надписывается: «молитва Моисея, человека Божия» (89). В псалмах, по церковным спискам имеющих надписания, какие и доньше сохраняются, а в остающихся без надписания у евреев, находим следующее различие: в одних означает какое либо число дней недельных, например: «единыя от суббот» (23), или «четвертыя субботы» (93), или «в день субботный» (91), или «предсубботный» (92); а другие заключают в надписаниях иной смысл, о котором вовсе умолчано у евреев.

Глава 2. (О надписании «в конец» и ему подобных)

Уяснив себе это разделение надписаний, полезно будет сделать наперед общее некое истолкование надписаний, имеющих между собою сходство, а потом по порядку войти в исследование видимых разностей. Посему вообще рассуждение о надписании имеет двоякую цель. Или делается оно для указания предлагаемого в псалме, чтобы, изучив цель псалмопения, удобнее дознать нам смысл, заключающейся в речениях; или нередко надписание и само по себе обучает чему либо слух, заключающимся в речениях смыслом указывая на какое либо преспеяние в добродетели. Лучше же сказать, в каждом роде взгляда на надписания цель одна — возвести к чему либо доброму, хотя бы в сказанном, по видимому, указывалось нечто историческое, хотя бы приписано было одно простое имя. Ибо Божественное Писание употребляет исторические сказания не для того только, чтобы сообщить нам познание о событиях, из которых дознаем какие либо деяния и страдания живших в древности, но чтобы преподать нам некое учение о жизни добродетельной, если исторический взгляд заменен будет высшим разумением. Посему, согласившись, что такое понятие должно иметь нам о надписаниях, следует, как сказали мы предварительно, изложить наперед общий смысл надписаний, имеющих между собою сходство, и сделать частный разбор тех, которые изложены с какою либо разностью.

Итак, поелику над большею частью псалмов надписывается речение: «в конец»; то должно, думаю, о сем знать: какое объяснение дано по разумению прочих, толковавших сие же Писание.

Вместо сего: «в конец», некто говорит: Победодавцу; другой: победная песнь, а еще иной: на победу. Так как концом всякой борьбы бывает победа, которую имея в виду, вступающие в подвиги начинают ратоборство; то кажется мне, что выражение: «в конец» кратким речением возбуждает к усердию подвизающихся за добродетель на поприще жизни, чтобы, взирая на конец, т. е. на победу, надеждою получить венцы облегчали они труд подвижничества, что, как видим, и ныне бывает на ристалищах: венец, предварительно показываемый вступающим между собою в борьбу на поприщах, делает, что их тщательность о победе сильнее трудов, ожидающих в борьбе, но похищаемых из вида ожидаемую славою.

Поелику поприще для борьбы открыто всем, и поприщем служит обыкновенная человеческая жизнь, и на нем один сопотивник — порок, разнообразно в коварных нападениях преодолевающий ратоборствующих; то добрый пестун душ наперед для сего указывает тебе на конец твоих подвигов, на украшение из венцев, на приветствие с победой, чтобы, взирая на этот конец, и ты опирался на Победодавца, и уготовлял себе победное провозглашение. Все же те понятия из учения о добродетели, какие из сего следуют, без сомнения, ясны для тех, которые по сему началу смотрят и на последующее. Ибо известно, что сколько в душ страстей, столько у врагов способов привязаться к нам и напасть на нас; помысл, подобно некоему члену души, часто выводится из своего состава, и получает неправильное положение, если человек не приуготовит себя упражнением и не преуспеет достигнуть безопасности и непреткновенности в сих борьбах законным подвижничеством, как говорит Апостол (2 Тим. 2, 5), приобретший себе победу, которая есть конец подвигов.

А что еще надписывается вместе с выражением: «в конец»; то служит некоторым наставлением и советом к одержанию победы, и при помощи их не безуспешным остается то, о чем приложено старание. Ибо выражение: «о имущих изменитися» (Пс.68) предполагает претворение души в лучшее состояние; значение слова: «маелеф» (Пс.52) возбуждает подвижника к сильному усердию, указуя на ликостояние после ожидающих нас трудов; ибо так объясняется прочими толковниками самое речение, и «маелеф» переводится словом: ликование. И сие: иметь в виду «тайное», сложить песнь о «возлюбленном», петь о «заступлении утреннем», иметь пред очами «осьмой» день, взирать на «наследствующую», постараться стать вне сродства Кореева, и это важное повеление Давида: «да не растлиши», которое дал он оруженосцу, устремившемуся на убийство Саула — все сие советует нам слово в образец великодушия сделать столпописанием в душе каждого. И кто вникнет со тщанием, тот во всем сему подобном найдет, что это некие подвижнические уроки, делаемые подвижникам их наставником о том, как кому достигать конца, то есть победы. А также, если при выражении: «в конец» надписывается что либо историческое; то и сие к тому же клонится, а именно, чтобы мы историческими примерами паче укреплялись к борьбам. Вот смысл выражения: «в конец».

Глава 3. (О надписаниях: «псалом», «песнь», «хвала» и «молитва»)

И надписания: «псалом, песнь, хвала, и молитва» — имеют между собою такое различие. «Псалом» есть сладкопение при игре на музыкальном орудии. «Песнь» есть произношение слов при устном пении. «Молитва» есть обращенное к Богу испрашивание чего либо полезного. «Песнь» есть благохваление, возносимое Богу за блага, какие уже имеем. «Хвала» заключает в себе похвалу Божиим чудесам. Ибо похвала есть не иное что, как усиление хвалы.

Но в надписаниях названия сии нередко каким либо сочетанием между собою соединяются так, что из двух названий по соединении делается одно: или «псалом песни» (Пс. 91), или «песнь псалма» (Пс.82), или «в песнях псалом» (Пс.66), или, как дознаем у Аввакума, и «молитва с песнию» (Авв. 3, 1). Смысл же надписаний сих, по которому возводимся ими к добродетели, есть следующий: псалтирь — такое музыкальное орудие, которое издает звук из верхних частей своего состава, и музыкальное произведение, разыгрываемое на семь орудий, называется псалмом.

Посему увещающие к добродетели слово самым видом орудия выражает особую мысль: им повелевается, чтобы жизнь твоя была псалмом, который не земными звуками (а под звуками разумно помышления) изглашается, но из горнего и небесного производит чистый и внятнй звук. Услышав же песнь, гадательно дознаем видимое благоприличие жизни. Как от музыкальных орудий достигает до слуха один звук сладкопения, самые же речения песнопения не выражаются членораздельными звуками, а в песни бывает то и другое: слышны и склад пения, и вместе с пением выводимая сила речений, которая по всей необходимости бывает неизвестна, когда сладкопение производится одними музыкальными орудиями: так бывает и с упражняющимися в добродетели. Некоторые, вняв умом умозрительному и созерцательному любомудрию о сущем, неявно для многих преуспевают в

добродетели, заключая доброе в собственном своем сознании, а которые, по мер рачительности, преуспевают в самом образ жизни, те благоприличием во внешнем, как бы словом каким, обнаруживают и другим благоустройством своего поведения. Посему, когда в добре преуспевает кто тем и другим способом, и любомудрие нравственное сходится с умозрительным, тогда бывает «песнь псалма», или «псалом песни». А когда предмет похвалы бывает что либо одно из сего, тогда или умопредставляемое благо выражается только «псалмом», или нрав и благоприличие в видимом изъясняется песнью.

Песнь же или хвала, соединяемая с песнью, служит уроком для нас не прежде отваживаться на богомыслие, как соделав жизнь свою достойною такого дерзновения. «Некрасна», сказано, «похвала во устнех грешника» (Сир. 15, 9). «Грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя?» (Пс.49, 16). Также и слова: «молитва с песнею» внушают нам то же, а именно, сперва заботиться о жизни, чтобы не оказаться кому нестройным и разногласным в начинаниях, а потом уже приступать с молитвою к Богу. И мне кажется, что Господь сказавшим Ему: «научи ны молиться» (Лук. 11, 1), «подал такую мысль, а именно, что молитва преспевает не словами, а жизнью, когда сказал: аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец небесный» грехи ваши (Мф.6, 14). Когда же пишется просто: «хвала», тогда понятие сие содержит в себе некое свидетельство о восписующем хвалы Богу; потому что не иному кому принадлежит хвалить Бога, а только, как сказано: «хвала Давиду» (Пс.144); из чего можно дознать, что если и мы соделаемся подобными ему, то получим тогда дерзновение хвалить Бога.

А «в песнях псалом» (Пс.60) возводит нас в высшее состояние, которое знал и Божественный Апостол, как говорит о себе Коринфянам, что воспевает он то «духом», то «умом» (1Кор. 14, 15). Почему псалмопение, совершаемое умом, объясняет сказанное прежде слово, что видимое должно быть достойно сокровенного, чтобы песнь приводила к догадке о такой мысли. Псалмопение же, совершаемое одним духом, указывает на преимущественное состояние святых, когда приносимое ими Богу лучше изъяснения видимым; потому что это, как сказано: «псалом» не в каких либо песнях, выражающих силу умопредставляемого словами, но в песнях, выражаемых не словом. А это, по моему суждению, урок нам, что надлежит знать о песни. Ибо дознаем, что жизнь высокая, мудрствование о горнем, возбуждение нашего орудья помышлениями небесными и выпренными есть песнь Богу, преуспевающая не силою слов, но превосходною жизнью.

А когда к слову: «в песнях» Пророк приписывает слово: «разума» (Пс.53, 54), тогда, мне кажется, подает некий совет, не без рассуждения избирать речения, употребляемые в славословие Богу, чтобы в неосмотрительном каком либо стремлении, даже не приметив того, не приписать Божию величию неприличных понятий. Такова, например, мысль, что награды живущим по Богу состоят в благополучии настоящей жизни: таково мнение, будто бы и по суду Божью прекрасно то, что таковым кажется человеческому чувству. Можно найти и много подобных сим мыслей, допускаемых неразумными в их понятиях о Боге. А тебе потребен разум знать о Нем только то, что, будучи произнесено, не послужит в хулу. Приличное служит Ему в похвалу выше того, что может быть изобретено человеческим естеством. Для нас же так вожделенно найти и не то, что должно о Нем знать, но то, что не может Он быть сравниваем ни с чем отличным от Него.

Что разумеет мы о хвале Давиду, а именно, что тому только, кто подобен ему, принадлежит хвала Божия, то же, кажется мне, должно знать и о молитве, когда услышим слова: «молитва Давиду», а именно, что должно и нам стараться жизнь свою уподобить его жизни, чтобы приобрести дерзновение молиться.

Так должно сказать и о надписании: «молитва нищаго, егда уныет, и пред Господем пролиет моление свое» (Пс.101). Потребно нам усиленное восхождение к Богу, чтобы уразуметь, в чем мы обнищали; ибо не придем в вожделение истинных благ, если не пойдем своей в них нищеты. Но каким-то одушевленным и внутренним соделается глас молитвы, когда узнаем, в чем мы обнищали, когда придем в уныние от замедления в исполнении желаемого, и в таком случае изольется моление наше, вместо слов, слезами из очей.

Так понимаем и надписание: «молитва Моисея человека Божия» (Пс.89), а именно, что приступит к Богу с молитвою можно не иначе, как разве кто, отрешась от сего мера, соделается человеком единого Бога.

Глава 4. (О надписании «о изменитися хотящих»)

Надписание же: «о изменитися хотящих» (Пс.59), по моему мнению, имеет тот смысл, что одно Божие естество не подлежит превратности и изменению; потому что, как недопускающее вовсе зла, не имеет, на что и воспользоваться сим превращением; в лучшее превратиться Оно не может, нет ничего такого, для чего допустило бы Оно изменение; так как нет ничего, что было бы лучше Его, и во что могло бы Оно перемениться. Но мы — люди, подлежа превратности и изменяемости, по изменчивой деятельности в том и другом, делаемся или худшими, или лучшими: — худшими, когда удаляемся от общения с добром, и опять лучшими, когда, изменяясь, возвращаемся к лучшему.

Посему, так как превращением вовлечены мы во зло, необходимо нам доброе изменение, чтобы в следствие оного произошел в нас переход к лучшему. Сие явствует из связи приписанного к словам: «о изменитися хотящих». Ибо Писание не только подает совет о том, что должно измениться, но предлагает и некоторый способ преуспеть в таком деле, в нескольких примерах показывая переход к лучшему.

Полное же чтение надписания следующее: «в конец, о изменитися хотящих, в столпописание Давиду, в научение; внегда сожже средоречие сирийское, и Сирию совалскую, и возвратися Иоав, и порази дебрь солей дванадесят тысяч». Из приведенных слов видно, что Писание, говоря: «в столпописание Давиду, в научение», содержит в себе некоторое наставление и совет: потому что не было бы приложено слова: «научение», если бы не к наставлению клонилась речь. И сие:»в столпописание» показывает, что слово это должно иметь глубоко и неизгладимо напечатленным в памяти, чтобы в душе столпом была память, а письменами на столпе служили примеры добрых дел. Сими то примерами были доблестные подвиги главного вождя Давидовой силы, вследствие которых враги терпят двоякое бедствие, то истребленные огнем, то пораженные в битве. Ибо как Сирия, лежащая между реками, так и соседний с ними удел Сириян истребляются огнем; а также в дебри солей побиты многие тысячи. Но в точности излагать исторический ход событий было бы продолжительно, и, вместе, излишне. Ибо что большее приобретем мы, изучая в связи изложение сих происшествий? Напротив того, думаю, что лучше кратко объяснить в слове, к чему ведет загадочный смысл исторического воспоминания, чтобы таковое столпописание послужило нам в научение для нашей жизни.

Что же значит сказанное мною? Пророк, Сирию наименовав целый народ, делит его на две части, обозначая каждую особыми чертами, одна часть называется средоречьем сирийским, а другая именуется Сирию совальскою; сожигается же та и другая; а потом, по возвращении главного воеводы, дебрь солей осуждается на преданье смерти двенадцати тысяч. Посему представим себе, что вид Сирии двоякий: одни из Сириян отовсюду окружены речными потоками, и это те, которые со всех сторон одержимы страстями; другие близки к Сове, а сим именованьем означает в Писании мучительство сопротивной силы. Посему и для нас послужит сие путем изменения на лучшее, если двоякое это племя порока будет истреблено очистительным огнем. Как добродетель оставляет замечательные черты в жизни и в разумении; так и порок усматривается в том и другом. Беспорядочность жизни, вокруг объемлющая душу потоками страстей, называется средоречьем, а разумение, по извращенным догматам близкое к князю мера, именуется Сирию совальскою; за истреблением их светоносным и очистительным словом следует то, что бесплодная и соленая земля, то есть воинство сопротивных сил, сокрушена ударом воеводы. Ибо не будет у нас победы над врагами, если начальник воинств не превозможет силою руки. А за погибелью врагов, естественно, следует мир. И таково последствие победы, которое имея в виду, Писание, как на столпах, напишет в памятях наших повеление: «изменитися», в исторических примерах показывая освобождение от страстей. Лучше же сказать, урок об изменении ясным соделается для нас, если последуем прочим толковникам, из которых один, вместо слова: «изменение», приписал к псалму: «о цветах»; а другой: «о лилиях». Слово: «о цветах», показывает переход от зимы к весне, что означает прехождение от порока к добродетельной жизни. Вид лилии объясняет, во что надлежит произойти изменению; ибо чрез изменение делающийся светлым явно принимает светлый и белоснежный вид из черного и потемненного. Поэтому по силе всякого надписания, в котором читается: «о изменитися хотящих», должно, как думаю, в псалме находить для себя совет о том, что всегда должно молитвою и тщательною жизнью достигать изменения на лучшее.

Глава 5. (О надписаниях: «о тайных», «о наследствующей», «о заступлении утреннем», «о осмей», «о точилех»)

Надписание: «о тайных» (Пс.9) внушает нам с точностью преуспевать в Боговедении; потому что погрешительное мнение о Божестве — крайнее падение для души. Чем воспользуется человек от блага, не имея самого блага? Посему-то надписание предлагает тебе, как бы некий светильник, сие учение, занимающееся исследованием таин Боговедения, в котором главное — вера в Сына; ибо так говорит и надписание: «о тайных Сына». Действительно, тайно то, что недомыслимо, невидимо, превыше всякого доступного разумению примышления, и к чему приблизившийся верою достигает конца победы.

Явно и основание надписания: «о наследствующей» (Пс. 5); потому что Пророк о душе, ниспавшей из своего жребия, когда для преступника заповеди зашло солнце, приносит Богу сие моление, чтобы на утро снова отложила она тьму и удостоилась услышать оный сладкий глас, который изречет стоящим одесную: «приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира» (Мф.25, 34).

Не погрешит против истины, кто в том же смысле поймет и сие надписание: «о заступлении утреннем» (Пс.21): ибо Писанию обычно утром именовать утреннюю зарю, то есть время, служащее взаимным пределом ночи и дня, с которым ночь исчезает и начинается день. И поелику во многих местах Писания под загадочным именем тьмы разумеется порок, то, когда по Божию заступлению совершится в нас восхождение добродетельной жизни, тогда достигнем победы, как говорит Апостол: «отложив дела темная», и «яко во дни, благообразно ходя» (Римл.13, 12, 13).

Близко к исследованному основание надписания: «о осмей» (Пс.11). Ибо вся попечительность о добродетельной жизни имеет в виду будущий век, начало которого, имеющее последовать за чувственным временем, круговращающимся в седмицах дней, называется осмым днем. Посему надписание: «о осмей» подает совет не иметь в виду настоящего времени, но взирать на осьмый день. Ибо, когда прекратится это скоротекущее и преходящее время, в которое одно приходит в бытие, а другое разрушается; когда минуется потребность приходить в бытие, и не будет уже разрушаемого, потому что уповаемым воскресением претворится естество в некое иное состояние жизни; когда прекратится и это преходящее свойство времени, потому что не будет уже силы, приводящей в бытие и разрушение: тогда, без сомнения, кончится и эта седмица, измеряющая время, заступит же ее место осьмый день, то есть последующий век, который весь составляет одним днем, как говорит некто из Пророков, уповаемую жизнь назвав «днем великим» (Иоил. 2, 11), потому сей день освещать будет не чувственное солнце, но истинный Свет, Солнце правды, которое в пророчестве именуется «востоком» (Зах.6, 12), потому что никогда не скрывается на западе.

То же самое разумеем мы и в надписаниях: «о точилех»; потому что точило есть орудие виноделия; из выжимаемых в нем гроздов выходит вино. Но если вино вытекает из гроздов гнилых или незрелых, то оно скоро портится и делается негодным к питью, прелаясь в какое-то зловонье, или в нечто качеством подобное уксусу, и при другой какой-либо порче изменяется в служащее к зарождению червей. Но если в точило вложен грозд доброго качества и зрелый: то из грозда потечет вино сладкое и благовонное, в котором с продолжением времени возрастать будут добротность и благоуханье. Посему, о чем же внушает нам, сколько можно, наипаче заботиться эта загадка о грозде? О том, чтобы обогатилась наша сокровищница человеческого ума, а эта сокровищница есть надежда; в ней хранится всякий запас для нашей жизни. В таком же случае свойство гроздов делается для нас известным, если будут видимы сперва ветви, а потом виноградная лоза, держащая на себе грозды и ветви. А сие соделается по словам Господа, изрекшего: «Аз есмь лоза, вы же рождие» (Ин.15, 5). Ибо если, действительно, и плодонося и возрастая, как говорит Апостол, «в Нем» пребываем «укоренены» (Кол. 2, 7); то уразумеем из сказанного, что от нас, созданных в Нем, и без Него недостойных питающей нас влаги, требуется грозд дел, который не окислен и не доведен до терпкости гневом, не дошел до гнилости и не распался от какого либо сластолюбия. В точиле каждой души (а точилом служит совесть) грозд дел дает нам вино на последующую жизнь, и каждому по всей необходимости должно вкушать от собственных своих трудов, какие бы они ни были.

Посему блаженны те делатели, которых вино, вкушенное ими, веселит сердце; напротив того, жалки и достойны слез те, у которых «вино», по выражению Моисея, делается «яроствию змиев» — (Второз. 32, 33), предложившись в ядовитое качество и от розги содомской принося плод в пагубу.

Посему, если имеешь в виду осмый день; то помни, говорите Пророк, о точилах в добродетелях; да «точила», по слову притчи, «источают» тебе «вино» благовонное (Притч.3, 10).

Глава 6. (О надписаниях: «о Маелефе», «исход скинии», «о обновлении дому Давидова», «изступления», «в воспоминание», «исповедание», «столпописание», «да не растлиши»)

А надписание: «о Маелефе», яснее переданное переложившими речение сие на эллинский язык, придает какую-то ревность подвижникам добродетели, указывая им на конец подвигов, говоря, что одержавшим верх в борьбах предстоят ликования и веселия; так как в этом смысл протолковано оное слово: «Маелеф», которое переводится словом: ликование, что знаем из истории о победе Давида, когда в единоборстве с сим юношею пал Голиаф, с ликованием встретив, девы славят отважный Давидов подвиг. Так, надписание: «о Маелефе» выражает, что всякая победа над сопротивниками, приобретаемая трудом и пролитием пота, сопровождается весельем и ликованием, потому что всякая разумная тварь присоединяется к победителям, как бы входя с ними в один стройный лик. Было некогда, что словесное естество составляло один лик, который взирал на единого Ликона начальника, и исполнением заповеди приводил себя в согласие с тою стройностью ликов, какую ликона начальник устанавливал своим движением.

Но после того, как это Божественное согласие ликов расстроил вторгшийся грех, и под ноги первых людей, ликовавших вместе с Ангельскими силами, подлив нечто, соделавшее их поползновенными к обольщению, довел до падения, и человек отлучен от общения с Ангелами, потому что падением прервано единомыслие; падшему потребно стало много трудов и пота, чтобы, поборов и свергнув с себя налегшего на него в падении, снова восстать, в награду за победу над противником получив право на Божественное ликостояние. Посему, когда слышишь, что надписание: «о Маелефе» соединено с выражением «в конец», тогда знай, что в этой загадке предлагается тебе совет не ослабевать в борьбах с искушениями, но взирать на конец — победы, то есть, на вчинение в Ангельский лик и твоей души, очищенной приражением искушений. Так, слышим от Господа, было и с Лазарем, который, поелику терпением страданий на целом поприще жизни сохранил себя непадшим, по разрушении на нем этой скинии после победы над борющимся с ним на жизненном поприще, немедленно оказался среди Ангелов; ибо сказано: «бысть умрети нищему, и несену быти Ангелы» (Лук.16, 22). Вот ликование — совершение пути с Ангелами, и лоно патриарха, приемлющее на себя Лазаря, и само представляющееся не чуждым сего радостного согласия с ликом. Ибо не погрешит, кто, услышав слово: «лоно», представит себе, что это полнота благ, какую наименован патриарх, подобно какому-то обширному объему моря, и в ней-то пребывает Лазарь; — потому что у отличившихся подобными подвигами ни у кого нет ничего собственного, но благо общим делается для всех, одною и тою же добродетелью достигших равного блага.

Надписание, в котором упоминается: «исход скинии», и еще другое: «о обновлении дому Давидова» близки между собою и по положению и по смыслу. Ибо одно имеет место в двадцать восьмом псалме, а другое в следующем за ним. Каждое из них читается следующим образом: надписание первое: «псалом Давиду, исхода скинии», а надписание следующего псалма: «псалом песни, обновления дому Давидова». Если не вышли мы из этой чувственной скинии, не обновится истинный дом наш. А смысл сказанного таков: в естестве человеческом умопредставляются две жизни: плотская, водящаяся чувствами, и духовная, невещественная, преуспевающая в разумном и бесплотном житии души. Но невозможно соделаться в одно и то же время причастным той и другой жизни; потому что тщательность об одной из них производит лишение в другой. Потому, если будем стараться соделать душу жилищем Божиим, то надлежит плотью выйти из плотской скинии. Чтобы дом наш обновлен был Тем, Кто обновляет нас Своим вселением, сему невозможно совершиться иначе, как разве когда совершится исход скинии отчуждением от жизни телесной.

Псалом «изступления» следующий за «обновлением», пред которым положено следующее надписание: «в конец, псалом Давиду, изступления», согласен с рассмотренными прежде и советует удаляться от тех, с кем связь вредна.

В псалмах же с надписанием: «в воспоминание» (Пс.37, 69), предлагается нам краткое некое учение о спасении. Поелику преслушание заповеди Божьей соделалось для людей путем к погибели (мы не погибли бы, если бы сохранили в памяти заповедь); то Писание поэтому, как врачевство от недуга забвения, предлагает нам памятование о заповеди, делая это в двух псалмах.

А в псалмах, к которым прилагается слово: «исповедание», речением сим научаемся

следующему: поелику, по обычаю Писания, слово: «исповедание» имеет двоякое значение и указывает то на исповедание грехов, то на благодарение; здесь в том и другом разумении оно руководимся им к жизни добродетельной; потому что исповедание грехов производит удаление и отчуждение от худых дел, а усердие в благодарности увеличивает милость Благодетеля к приемлющим благотворения с добрым чувством. Посему псалом предлагается «во исповедание»: в таком случае, когда беспокоит тебя какое либо воспоминание о грехе, советует тебе прибегнуть к очистительному средству — покаянию; а если жизнь твоя благоустраивает в лучшем, доброе твое произволение делает твердым за благодарность твою к Богу.

Слова: «столпописание», и: «да не растлиши», в совокупности ли, отдельно ли, находятся в каких надписаниях, содержат в себе совет о добродетели долготерпения. Ибо сие: «да не растлиши» сказано Давидом, когда запретил он оруженосцу нанести удар Саулу; а смысл слова: «столпописание» тот, что такое речение должно иметь начертанным в памяти, как на некоем столпе, чтобы в подобных делах, если какое обстоятельство возбудит нашу раздражительность к отмщению за оскорбление, прочитывая мысленно сие повеление, запрещающее убийство, сами в себе усыпляли мы раздражительность, приучая к долготерпению. Но точнейшее о сем рассуждение оставим до будущего времени, переходя к обозрению прочих надписаний. Ибо надлежит уразуметь, что когда значит слово: «аллилуия», которое служит надписанием многих псалмов.

Глава 7. (О надписании «аллилуия»)

Итак, слово: «аллилуия» есть таинственное побуждение к песнопению Бога; оно взывает слуху, что означаемое им то же, что: «хвалите Господа». Ибо в каких частях святого Писания встречаются наперед эти слова: «хвалите Господа», в еврейских Писаниях означает это словом: «аллилуиа». Или, может быть, слово сие дает паче видеть силу псалмопения, которому служит надписанием, сказуя о нем, что это — хвала Богу. Так как на еврейском языке естество Божие означает различно разными именами, употребляемыми в некоем иносказательном значении; то в числе имен, означающих Бога, находится и слово: «иа», а слово: «аллиллу» у Евреев значит хвала. И не дивись, если таковой вид сего речения в косвенном падеже имени показывает, так называемый, именительный падеж: потому что не по нашему обычаю у евреев видоизменяются слова, напротив того, у них иное сравнительно с нашим видоизменение в произношении имен. Так, имя Пророка, придав ему еллинское видоизменение, произносим: «Илиа», а у евреев, по правилам языка, именительный падеж сего имени говорится: «Илиу». Так и здесь, когда слово: хвала требуется означить в именительном падеже, язык еврейский выговаривает: «аллиллу». Поелику же хвала непременно относится к Богу, а имя: «иа» есть одно из имен, означающих естество Божие; то целое вообще слово: «аллилуия» толкуется: хвала Богу. Посему, когда речение сие приписано к псалмопению, надлежит разуметь, что следующее ниже непременно должно возводить к славословию Бога. Как в книге псалмов таковые надписания находятся всего более над последними псалмами; то можно из сего уразуметь, что достигшим уже совершенства в жизни добродетельной и очистившим себя, согласно с тем, что выразумели при обозрении предыдущих отделов псалмопения, прилично хвалить Бога и быть в таком состоянии, в каком, как веруем, пребывает естество ангельское. Ибо у них, известно нам, нет другого занятия, как только хвалить Бога, и у совершенных в добродетели нет иной заботы, как только устроить жизнь свою, чтобы была хвалою Богу. Итак, поелику псалмы, имеющие надписание: «аллилуиа», все почти находятся в последнем отделе псалмопения; то ясно можно уразуметь, что выше всякого восхождения на высоту с помощью псалмов — последний отдел псалмопения, в котором большею частью заключается хвала Богу или приглашение хвалить Бога.

Глава 8. (О ненадписании у евреев некоторых псалмов, в частности 32,42, 93)

Остается уразуметь, по возможности, причину того, что некоторые псалмы не надписаны. Но что найдено нами по этой части, да будет предоставлено суду читателей: или принять наше мнение, или возвести разумение свое к высшему взгляду. Итак, в ненадписанных псалмах примечаем мы следующее различие: одним из них вместо надписания служит самое содержание псалмопения, в них, и у евреев, и у нас это общее, что у предлагаемого нет другого надписания, кроме одного только смысла, открывающегося в речениях. А в прочих псалмах, хотя есть надписания церковные и таинственные, знаменательные для таинственного нашего благочестия, однако же нет их у евреев,

согласно с обвинением, какое сделано им в Евангелии, что постановили определение: «да, аще кто исповест Христа, отлучен от сонмища будет» (Иоан. 9, 22). Посему, в каких надписаниях евреи заметили, что заключают в себе какое либо указание на таинство, тех они не приняли; поэтому в Писании о таких псалмах с точностью замечено это, и к чтению церковного надписания прибавлено: «не надписан у еврей». Итак, указав предварительно на сие разделение псалмов ненадписанных, благовременно будет предложить о сем свидетельство из самых псаломских изречений.

Псалом, предпоставленный всем, не имел нужды в надписании, потому что для читающих ясна цель сказуемого в нем; а именно, служит он введением в любомудрие, советуя удаляться от зла, пребывать в добре и, по возможности, уподобляться Богу.

Но как в самом начал учения о блаженств предписано, что не должно нечестовать; то, чтобы нам избавиться от нечестья, прилагается второй псалом, предвестивший Евангельское таинство, так что первый псалом некоторым образом служить надписанием второго. Ибо Пророк скажет там о плотском рождении ради нас Рожденного «днесь» (а днесь составляет часть времени), но всегда от Отца и во Отце сущего, Сына и Бога. Скажет и о царстве у непризнававших царства, у тех, которые за то, что не служили Богу, причислялись к язычникам, были какими-то самозаконниками, лучше же сказать, — беззаконниками; потому что не приняли закона Божия, но свергли с себя «иго» (а «игом» Пророк называет заповедь). Когда же превысшее всего царство пришло и на них, тогда и они, непризнававшие некогда над собою владычества, делаются наследниками Божиими по вере в Рожденного «днесь», разумею Того, Кто поставлен над ними в царя; тогда и родились, и стали царями те самые, которых железный жезл, то есть, непреложная сила, сокрушив в них земное и скудельное, претворила в чистое естество, научив тем, что одно только блаженно — уповать на Царя. Вот смысл сего псалма, по моему изложению; желающий может мнение наше поверить самыми Божественными речениями, точно ли сказанное нами согласно с Богодухновенным словом.

Прочие же из ненадписанных псалмов, по высказанной нами выше причине, таковы в еврейской синагоге, а не в Церкви Божьей. Ибо при всех можно найти непременно какое либо надписание, которого не принимает еврей за слово благочестия, и которое не допускается ими по неверию. Таких псалмов (говоря вообще о числе их) двенадцать. Но чтобы и точнее изложить, что нужно сказать о них, укажем порядок последования каждого: именно, псалом тридцать второй и сорок второй, за ними семидесятый, потом третий по семидесятому, и после них девяностый, потом девяносто второй и следующие до шестого, далее девяносто осмый, и последний из ненадписанных: сто третий, — вот порядок псалмов, ненадписанных у евреев. Причины же, почему не приняли евреи сих надписаний, не полагаю иной, кроме сказанной. Лучше же сказать, наше о сем рассуждение, если немного и мимоходом обозрим некоторые из ненадписанных псалмов, послужит доказательством, что обвинение иудеев в неблагопризнательности подтверждается самым обозрением речений.

Псалом повелевает возрадоваться о Пришедшем с небес на землю, говоря: «радуйтесь приведши о Господе» (Пс.32, 1), потому что Он всем правит, все из несуществующего привел в бытие, все сохраняет в бытии, и Его повеление делается сущностью.

Таков смысл Божественных слов: «яко Той рече, и быша: Той повеле, и создашася» (9). Он блаженным делает о имени Его утверждающийся народ, а народом называет Пророк нас, для которых надежда спасения — имя Христово, так как по имени Его называется всякий уверовавший; потому что «с небесе призре Господь» видеть «вся сыны человеческия: от готоваго жилища» (13, 14). А готовым жилищем наименовал присносущного Отца, Которому принадлежит вечное бытие, как ни от кого не происшедшему, но всегда готовому. И не почтем странным, что из одного готового жилища к сынам человеческим присоединяется Соделавшийся сыном человеческим, так как мы уверены, что Он есть «создавый на едине сердца их» (15). Ибо, если естество человеческое — Его создание, что нового познаем из таинства? То, что Владыка естества «во Своя прииде», но евреи Его не «прияша» (Иоан.1,11). Потому-то и нет у них надписания, как у того, кто не видит, нет солнца. Потому-то и мы плотское исполнение закона, которое Пророк называет «лживым конем», и всякое телесное разумение заповедей (это, может быть, значить слово «исполине»), признаем бесполезным для спасения, как и псалмопевец оуждает подобное сему, выражаясь загадочно: «ложь конь во спасение» (Пс.32, 17), «и исполин не спасется множеством крепости своея» (16). Но взирая на Избавляющего от смерти души наши небесною пищею, как говорит Пророк: «очи Господни на боящихся Его, уповающыя на милость Его, избавиши от смерти души их, и препитати я в гладе» (18)), говорим: «душа наша чае Господа» (20), призревшего на нас с небеси, и: «буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя» (22). Посему-то еврей не принимает надписания псалма сего!

Таким же образом опять и сорок второй псалом не имеет у евреев надписания; так как самые слова, по моему мнению, показывают, что заключающееся в сем псалме таинство не было приемлемо

державшимися еврейской ереси; потому что псалом возвещает, что делающийся юным внидет «к жертвеннику» (Пс.42, 4). Но для еврея сие невозможно; он не согласен в таинстве спасения обновиться рождением свыше.

А в псалме семидесятом, по церковному изданию имеющем надписание: «сынов Ионадавовых и первых пленшихся», евреями сие умолчано; причина же тому ясна. В сих словах заключается более других явное пророчество о Господе; и ими охудается неверие иудеев, которые не могли принять явного учения о таинстве. Как больные глазами или страждущие водобоязнь не переносят — одни приражения к глазам луча, а другие взгляда на воду, но, смеживши вежды, отворачиваются страждущие глазами от луча, а подверженные водобоязни от взгляда на воду: так и злоба иудеев, поелику не хочет признать славы Божественной проповеди, неудобоприемлемою делает истину умолчанием о ней. Но и из самого псалмопения можно познать загадочный смысл пророчества. Ибо в семидесятом псалме, у которого это надписание: «о первых пленшихся», Пророк, как бы от лица пленника, говорит и иное нечто приличное речи просителя, и следующее: «избави мя из руки грешнаго, из руки законопреступнаго и обидящаго» (4), сими именованьями указуя на пленившего жизнь нашу. А в остальных словах псалма, после многих утешительных изречений, описывает совершившееся возвращение из плена, когда говорит: «елики явил ми еси скорби многи и злы, и обращаеши оживотворил мя еси, и от бездн земли паки возвел мя еси: умножил еси на мне величие Твое и обращаеши утешил мя еси» (20, 21). Сие же, как изводится из бездны увлеченный в нее тяжестью греха, яснее уразумеем из учения великого Павла; о таком говорит он: «да не речеши в сердцах твоих: кто въздет на небо? сиречь Христа свести. Или: кто снидет в бездну? сиречь Христа от мертвых возвести» (Римл. 10, 6. 7).

Ибо от чего взшла в мир смерть, тем опять и изгнана, взшла человеком, Человеком и изгоняется. Первый человек открыл вход смерти, вторым Человеком вводится, напротив, жизнь, вшествие которой производит уничтожение смерти. Для сего, когда в бездне смерти содержим был плененный смертью, второй Человек страданием снишел в бездну смерти, чтобы погрязшего в ней снова возвести с Собою в горнее. Ибо сие в точности объяснило великое слово Апостола; сказав о сем многое другое, говорит он следующее: «якоже о Адаме еси умираем, такожде и о Христе еси оживем» (1Кор. 15, 22). Посему-то, поелику надписание: о «пленшихся» громко взывает о домостроительстве воплощения Господня, то евреи заграждают себе слух и не принимают надписания.

Так, ту же причину непринятия надписания евреями найдешь и в девяностом псалме, а именно, что надписание указывает на Христово Богоявление. Ибо у нас упомянутый псалом есть «хвала песни;» а всякая хвала относится к Богу; евреи же умалчивают сию хвалу и хвалящим Господа повелевают молчать. Они стараются воспретить и детям во храм хвалить Господа за благодеяния, как Евангелие выставляет на позор их неблагодарность. Излишним же было бы делом указывать в сем обозрении на самые изречения, относящиеся к Господу в хвале этой песни, так как при самом чтении написанного явственнее открывается этот смысл.

И следующий за девяносто первым псалом имеет в надписании также нечто ясно высказанное; почему иудействующий далек от согласия на сие надписание. Читается же оно так: «хвала песни Давиду, в день субботный, внемгда населися земля». Ибо кто из обучившихся слову о благочестии не знает, что в день субботный совершено таинство победы над смертью, когда тело Господне, в точности по закону, пребывало недвижимым на ложе во гробе? Кто не знает и того дня, «внемгда населися земля». Населителем нашим, Который, сокрушив истребителя нашего селения, разрушенное снова воссоздал от основания? А истребителем нашим была смерть, которую Господь тогда привел в бездействие, когда, пребывая недвижимым на том месте, где находился, казался нам субботствующим, поборол же силу смерти, пролагая Собою путь всем умершим к воскресенью от смерти. Но не приемлет таинства субботы враг креста Христова. Потому и сия «хвала» у евреев не надписана; ибо не соглашаются они, что Тот есть Господь, Кто, соделавшись подобным нам и прияв на Себя наше поношение в образе раба, снова воцарился, и «облечеса» в Свою «лепоту» (Пс.92, 1), и возложил на Себя силу Свою. Сила же и лепота Сына — Отец. Сей-то Сын расслабленный грехом естество человеческое снова соделал твердым, чтобы оно не уклонялось более в порок и не допускало до себя греховной бури. Псалмопевец, и за многое другое в загадочных выражениях восхвалив благодать, прилагает к слову какой-то, громкий глас издающие, «реки» (3), означая сим, как думаю, гласы Евангельские. Но какая нужда повторять по порядку написанное в сем псалмопении, когда в Божественных изречениях нет никакого сомнения, что песнопение сие относится к Нему — Богу, восшедшему «в воскликновении» (Пс.46, 6), свидения Свои соделавшему достоверными добрым исповеданием, и устроившему, что собственному «дому Церкви подобает святыня» Духа (Пс.92, 5)?

Так по той же причине еврей не принимает надписания и девяносто третьего псалма. Надписание

же это читается так: «Давиду в четвертый субботы, не надписан у еврей». Заключающееся в сем псалме таинство предвозвещает домостроительство страдания.

Поелику в пятый день недели совершено предательство Иуды; то искупившей Собою весь мир в предшествовавшей сему день как бы продается предателем. Так сделанное Иудою, именуется и в пророчестве Иеремии: «и прияша тридесат сребренник, цену цененного» (Мф.27,9). Для того же, думаю, продается, чтобы продажею Своею купить проданных под грех. Почему Пророк, провидя будущее, возбуждается каким-то гневом на совершаемое, называя Его «Богом отмщения» (Пс.93, 1), и умоляя «вознестися» нас ради Смирившегося, «воздать гордым воздаяние» по достоинству их (2), да не «восхвалятся» злобою «грешницы» (3), к которым взывает, именуя их «безумными» и «буими» (8), как непризнавших Божества в Явившемся. Ибо безумному свойственно, как говорит Пророк в другом месте, сказать, что нет Сущего Бога (Пс.13, 1). Взывает же таковым: «разумейте безумнии в людех, и буии некогда, умудритесь». Кто «насаждай ухо»? Кто «создавый око»? Кто «наказуяй языки»? Кто «весть помышления человеческая» (Пс.93, 8—11)?

Ибо всем этим, как думаю, Пророк указывает на чудеса при исцелениях, когда созидались очи из плюновения и земли творимым бренеом (Иоан.9, 6), когда перстом насаждался слух у лишенных как либо сего чувства, когда все, сокрываемое в тайне помышлений, объявляемо было Видящим мысли их.

Поелику Пророк, взывая к ним, не был услышан; то обращает он слово к Господу, и говорит: «блажен человек; его же аще накажеш, Господи, и от закона Твоего научиши его» (12); как будто закон сам по себе не приносит никакой пользы, если заключающегося в нем таинства не уяснить какое Божественное наставление, как сказал это сей самый Пророк: «открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего» (Пс.118, 18). Или, может быть, он ублажает уверовавшего в закон духовный язычника, который, будучи до того времени человеком плотским и уподобляясь скотам, по обучении закону Божию, когда клятва пременялась на благословение, делается блаженным, потому что для него «укрощается» гнев от «дней лютых», а для неверовавшего «изрыется яма» (Пс.93, 13). Потом чрез несколько слов Пророк скажет цель домостроительства Господня о человеке: «аще не Господь помог бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя» (17); потому что Господня помощь не попускает нам быть обитателями ада; скажет еще, что по «множеству болезней», следствий греха, Врачующим нас употреблено над нами равносильное врачевание (19). Посему вдается в высшее любомудрие, уча, что зло не от Вечного; ибо говорит: «не пребудет Тебе престол беззакония, созидай труд на повеление» (20), то есть, не вместе с Тобою усматривается начало злобы; потому что престол, устанавливающий грех повелением, есть начало. Сим Пророк показал, что злоба не от вечности, и не вечно пребудет; ибо что не вечно было, то и будет не вечно. Сказывает же Пророк и способ истребления зла, предрекая уничтожение злобы с убиением Господа иудеями. Ибо говорит: «уловят на душу праведницу, и кровь неповинную осудят» (21). Но сия кровь сделается спасительною для меня. Ибо осужденный на смерть Господь чрез то делается для меня «прибежищем», и «в помощь упования» поставляется верующим сей «Бог» (22), Который, на праведном суде воздая каждому по достоинству, уничтожит лукавство, а не естество согрешивших. Вот точные слова Пророка: «воздаст им Господь беззаконие их, и по лукавствию их погубит я Господь Бог» (23). Означает же сказанным, что погибнут приявшие на себя ныне образ греха. А когда не будет злобы, не будет носящего на себе образ ее. Посему, когда погибнет злоба, и ни в ком не останется такого начертания, все образуются по подобию Христову, и во всех воссияет один образ, какой в начале вложен был в естество.

Глава 9. (О ненадписании у евреев некоторых псалмов, в частности 94,95,96,98,103)

После сего Пророк последовательно поступает далее, не употребляя никакого музыкального орудия, но собственным своим голосом воспевая Богу благоговейную хвалу в песни; ибо говорит: «хвала песни Давиду» (Пс.94). И этого надписания у евреев нет, потому что слышащих призывает оно к общению в радовании и к победному восклицновению, говоря: «приидите возрадуемся Господеви, воскликнем Богу Спасителю нашему» (1), а в конце заключает некую сильную угрозу неверующим, обнаруживавшим сие злоумие и в продолжение сорокалетнего пребывания в пустыне, когда раздражали они Благодетеля, и после того не приявшим дарованного нам Евангелием упокоения от греха, когда, «услышав глас» Пришедшего ради нас в сие днесь, и из довременного и вечного величия снисшедшего во временное бытие, можно было им «днесь» открыть для себя вход в покой, но они, всегда поставляя себе путеводителем заблуждение и неверие, и в первые, и в последующие за тем времена вход в покой Божии заграждали клятвою. Ибо как вошли бы в покой добровольно соделавшие себя чуждыми благословения?

Так и после сих псалмов девяносто пятый у еврействующих читается не надписанным, а у нас есть песнь, воспетая Богу по возвращении из плена, когда воссоздано было разрушенное устройство естества нашего. Читается же надписание се так: «хвала песни, вегда дом созидашеся по пленении, не надписан у Еврей» (Пс. 95). Прямо же в самом вступлении псалмопение сие благовествует таинство Нового Завета, говоря: «воспойте Господеви песнь нову» (1). И не без основания умолчано надписание псалма сего у евреев; ибо после Евангельских провозглашений, какие сделаны в начале псалма, пророчество обращает речь к обращенным из язычников, говоря: «принесите Господеви отечествия языке, принесите Господеви славу и честь» (7), «поклонитесь Господеви во дворе святем Его» (9). И такова вся последующая речь; она предсказывает прехождение благословения на язычников. «Рцыте во языцех», говорит Пророк, «яко Господь воцарися» и разрушенную злобою «вселенную исправи», так что она навсегда пребудет неколебимою (10). О сем веселятся небеса и радуется вся земля, потому что подвиглись воды морские с их исполнением. А сим иносказательно изображает Пророк сопротивную силу, потрясаемую и приводимую в несостоятельность нашею жизнью, когда мы соделываемся небесами, поведающими славу Божию, и землею благословенною за плодоношение добродетели. «Да подвижится море», говорит Пророк, «и исполнение его» (11). Далее скажет, что «возрадутся поля», называя полями уравниваемую в добродетели жизнь, о которой и Исаия в словах своих упоминает иным образом, повелевая дебрям наполниться, холмам и горам смириться (Иса.40, 4). Говорит же сие, кажется мне, не с иным каким намерением, как желая уврачевать недостатки и излишества в добродетельных предначинаниях, чтобы от недостатка в добром в учении о добродетели не произошло пустоты, и от излишества — неровности. Ибо говорит: «возрадутся поля, и вся яже на них».

Подобным образом и следующий за сим псалом не принят у Евреев с надписанием; потому что говорит о касающемся до нас и благовествует о состоянии нашей земли. Надписание приписывает Давиду сие псалмопение и выражается так: «Давиду, егда земля Его устрояшеся». Но слово: «Его», очевидно, относится не к Давиду, а к Богу; потому что земля, прежде отпадшая чрез грех, ныне, познанием Бога, приобрела постоянство; земля Божья — все мы, не устоявшие прежде в добре и за то подпавшие клятве, но потом избавленные от клятвы и снова достигшие постоянства в добре. И сие прямо благовествует самое начало псалмопения, а именно: поелику воцарился Господь, то радуется земля. Как иной сказал бы: поелику воссияло солнце, то освещается им земля: так, поелику возобладало Господне царство, то в нас веселие сего царства. Вот точные слова псалма: «Господь воцарися, да радуется земля: да веселятся острови мнози» (Пс.96, 1). Прекрасно Пророк назвал островами души показавших твердость и неизменность в искушениях. Хотя отовсюду окружает их море порока, однако же не имеет оно над ними столь великой силы, чтобы приражением своим произвести какое либо волнение в постоянной добродетели. Потом слово среди всего этого под облаком и мраком представляет неудобозримую Божию естества: «облак и мрак окрест Его» (2) и, показав страшное действие карательной силы в сказанном: «огнь пред Ним предъидет, и попалит окрест враги Его» (3), открывает Евангельское световодство, молниями называя слова Божественной проповеди, озаряющие целую вселенную; ибо говорит: «осветиша молнии Его вселенную» (4), и в следующих словах показав высоту Евангельских таинств, именно, когда говорит: «возвестиша небеса правду Его, и видеша еси людие славу Его» (6), и предвозвестив истребление идолов и уничтожение всякого заблуждения в словах: «да постыдятся еси кланяющейся истуканным, хвалящиеся о идолах своих» (7), прилагает печать благ, сказуя людям пришествие Господа во плоти: «свет воссия праведнику, и правым сердцем веселие» (11).

С концом сего псалмопения прекрасно и сообразно с делом связуется начало следующего ненадписанного псалма. Ибо одна и та же сила для праведника бывает светом и веселием, и гневом для народа неверующего. Сказано: «Господь воцарися, да гневаются людие» (Пс.98, 1). Кто сей воцарившийся Господь, превысший ангельского и небесного естества? Ибо Писание упоминанием о Херувимах показываете превосходство премирной силы Того, Чье воцарение приводит в разрушение то, что составилось худо; потому что колеблет не то, что в нас небесного, но то, что в нас земного, так выражает сие словом: «седяй на Херувимех, да подвижется земля» (1). Оставляю следующее за сим, чтобы продолжением разбора не причинить великого обременения. Скажу только, что все до конца псалмопения относится к одной и той же цели.

Пророк свидетельствует, что Сей воцарившийся Бог не первым нам ныне явился, но Он же являлся и именитым из пророков. Поэтому упоминает о Моисее, Аароне и Самуиле (6), из которых каждый знаменит и славен благочестием пред Богом.

Присовокупляет же к слову и упоминание «о столпе облачном», в котором Бог глаголал «к ним» (7), научая тем, как думаю, неверующих не удивляться поэтому Божией бесед с нами чрез человека. Ибо тогда в столпе облачном глаголавший Бог после того явился во плоти; почему, если скажет кто,

что плоть недостойна того, чтоб чрез нее глагодал к нам Бог, то не возмозет засвидетельствовать достоинства и в облачном столпе. Ибо что в нем такого, что можно было бы признать достойным величия Божия? Если же для иудеев достоверно, что Бог глагодал в столпе облачном, то да не будет не вероятным и то, что глагодал Он во плоти. Сверх того, и Исаия в вид облака представлял себе плоть; ибо говорит: «се Господь седит на облаце легце» (Иса.19, 1); и последующих за Господом тот же опять Пророк именует облаками, говоря: «кий суть, иже яко облацы летят?» (60, 8). Сею подобоименностию облаков показывает Он сродство Господней плоти с остальным человечеством. Итак, сему-то Богу, некогда чрез облако, а после того чрез плоть, глаголавшему к людям, говорит далее Давид: «Господи Боже наш, Ты послушал еси их: Боже, Ты милостив бывал еси им, и мщя на вся начинания их» (Пс.98, 8). А чтобы иной, смотря на домостроительство, не поползнулся на какие-либо низкие и человеческие понятия о Божестве, Пророк в конце псалмопения, обратив речь к нам, присовокупляет сие изречение: «возносите Господа Бога нашего» (9), «и покланяйтесь подножию ногу Его, яко свято есть» (5).

Смысл же сказанного, как предполагаем, есть следующий: Божественные тайны открыты вам, люди, сколько слух человеческий принять может; путеводимые сим к благочестивому Боговедению, сколько вмещает ваш рассудок, столько возносит славу Божию, зная, что, сколько бы ни возвысилось ваше разумение, хотя бы преступили вы всякое высокое представление в понятиях о Боге, и тогда обретаемое и поклоняемое вами не самое еще величие Искомого, но только подножие ног Его. Сим-то сравнением с недоступным для постижения Пророк объясняет бессилие и низость нашего разумения.

Потом, миновав после сего несколько псалмов, в псалме сто третьем, который вместе со многими другими причисляется к ненадписанным у евреев, Пророк ясно богословствует о единомродном Боге, Ему приписуя вину создания вселенной. Ибо сказано, что псалом сей о сотворении мира — Давидов, и не надписан у Евреев; а сим означает, что Евреи не принимают цели сего пророчества. Надписание же читается так: «Давиду о мирстем бытии», не надписан у Евреев. Смысл псалма сего изложим при времени; а теперь достаточно нам будет сказать только то, что та же причина, разумею неверие иудеев, сделала, что и сего псалма надписание не принято Евреями.

Глава 10. (Исследование слова «диапсалма»)

Не надлежит оставлять без исследования и слова: «дапсалма» (Греческим словом «диапсалма» переводится еврейское «села». Здесь греческое слово оставляется без перевода; потому что в славянской Псалтири (напр., Пс.9,ст.21) оно никак не переждено, даже совершенно опущено). Жившие прежде нас полагали, что словом сим означает перемена, или мысли, или лица, или вещи; мы не отвергаем мнений отцов, но не поленимся о значении сего речения придумать нечто и от себя. Посему принят нами такой смысл слова: «диапсалма», что, когда, в последовательном ходе псалмопения, в пророчествующем Давиде происходило некое новое озарение Святого Духа и некое приращение в даровании ведения, на пользу приемлющих пророчество; тогда, сдерживая свой глас, давал Он время разумению усвоить себе ведение мыслей, порождаемых в нем Божественным озарением. И как нередко иные, или идя вместе дорогою, или разговаривая друг с другом на пирах, или в собраниях, если откуда либо приразится вдруг к слуху шум, прекратив речь, напрягают разумение разобрать сей шум, безмолвием доставляя слуху время узнать силу шума, а потом, когда производившее шум умолкает, снова заводят речи друг с другом: так великий Давид, служа истолкователем Духа, в сладкопении излагал, что прежде им было дознано; и если научался чему в продолжение речи, преклоняя душевный слух к оглашающему его духовно и заставляя умолкнуть свою песнь, каких исполнен бывал мыслей, те и выражал, снова слагая слова в сладкопение.

Посему «диапсалма», как скажет иной, давая определение слову, есть внезапно происходящий перерыв псалмопения для приятия свыше внушаемой мысли. Или иной определит лучше так: «диапсалма» есть учение, таинственно сообщаемое душе Духом, между тем как вниманием к сей сообщаемой мысли пресекается непрерывность песнопения, так что, по мнению многих, происходящее молчание служить знаком, что сила Святого Духа оставила пророчествующего. Посему-то некоторые толковники вместо слова: «диапсалма» в сих промежутках вписывают слово: всегда, чтобы из сего можно было дознать, что учение Духа Святого было в душе непрестанно, а слово, истолковывающее мысли, внушаемые душе свыше, было не непрестанно; но Пророк одно изглашал с разумением, а другое только еще принимал. Посему, когда провещавал мысли, отпечатленные в разумении, тогда псалмопение продолжалось последовательно; но если душевный слух его оглашаем был чем либо еще более Божественным, то весь он был слухом, и песнь умолкала. Посему, так как Дух Святой глагодал в нем всегда и во время молчания; промежутки имело одно слово (сей-то промежуток толковники

наименовали «диапсалмой»).

Но, по обозрному нами разделению псалмопения, во всей книге разлагаемому на пять частей, и из этого можно доказать, что придуманная нами причина истинна, именно же из того, что каждым отделом путеводимый им постепенно руководится всегда к высшему. Ибо последний только отдел от начала до конца в каждом псалме имеет непрерывное и нераздельное песнопение, нигде не разделяемое «диапсалмой»; это принадлежит каждому из псалмов, как называемому песнью «степеней», так и надписанному: «аллилуиа». Соблюдением такого правила, как думаю, доказывается, что в других псалмах, как низших, есть возможность поучать высшим мыслям, и в связь речи вводить то, что может возвести разумение к лучшему; а совершенство степеней и псалмов с надписанием: «аллилуиа», как достигшее до самой высоты примышленного ко благу, не имеет нужды ни в каком прибавлении, но само собою доведено до полного совершенства в добре. О сем свидетельствует и смысл надписания сих псалмов, именуя все надписанное хвалою Богу. Ибо как тела, проходя по возрастам, имеют предел, на котором останавливается естество, не допуская уже большего приращения, но все остальное время оставаясь в одном и том же положении так и при Божественном обучении возможны и возрастание и неподвижный предел, и обучающий младенствующих и несовершенноумных, питая приличными снедами, млеком и подобным тому, приводит их в возрастание, а совершенным, у которых чувствилища души обучены другими уроками, предлагает твердую трапезу.

Посему, что в последнем отделе никакой не было нужды истолкователю Духа высшим сколько-нибудь мыслям научиться «диапсалмой», к разумению причины сему ясным указанием послужат здесь те части псалмопения, которые разделены «диапсалмой». Так в третьем псалме, где Пророк предсказывает замешательство и затруднение, произведенное восстанием врагов, отделив эту часть «диапсалмой», таинственно огласившему его с упованием изрек спасительное это слово: «Ты же, Господи, заступник мой еси, слава моя, и возносяй главу мою» (Пс.3, 4). И снова в промежутке сложив песнопение, после благодарственного оногo изречения, какое произнес, говоря: «гласом моим ко Господу возвах, и услыша мя от горы святыя Своея» (5), научает, чем решится общая тягота человеческих бедствий, и при внезапном озарении Духом наученный таинству страдания Господня, приемлет на себя самое лице Владыки и говорит: «Аз уснух и спах, востах, яко Господь заступит мя» (6). Но в точности излагать смысл, заключающийся в каждом речении, будет делом излишним, потому что слово поспешает к другим предметам.

А как в данном понятии слова: «диапсалма» увериться надлежит на основании самых писаний, то и в четвертом псалме есть «диапсалма», из которой узнаем то же самое. Ибо Пророк некоторым образом всему человеческому роду взывает, что суетно, чего домогаются люди, и «тяжкосердыми» именует сынов человеческих, которым любезна суетная и несостоятельная ложь; потом, умолкнув, показывает, в чем состоит истина. Ибо говорит: «уведите, яко удиви Господь преподобнаго Своего» (Псал.4, 4), словом: «преподобный», указывая, думаю, на Господа, как говорит и Моисей: «праведен и преподобен Господь» (Второз. 32, 4). Потом предложив совет, как можно человеку проходить жизнь в чистоте, и быв судиею и решителем душевных помышлений, когда говорил: «яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилилися» (Пс. 4, 5), и снова, возвратясь к себе самому, и сам услышал, и слышавшим провозгласил уничтожение приношения по закону в жертву животных; ибо имеющему нужду в душевном очищении повелевает не надеяться на заклятие бессловесных животных, но познать, какими жертвами благоугождается Бог. Почему говорит: «пожрите жертву правды, и уповайте на Господа» (6).

Так Пророк и в седьмом псалме наперед излагает свое собеседование с Богом, в котором оправдывается пред праведным Судиею, что злоба врагов не есть воздаяние за зло, им причиненное, но сами они первые виновники лукавства, и что он равно вменяет в грех, как самому начать злое дело, так и начавшему мстить тем же. Сказав это, преклоняет снова слух пред Открывающим великое таинство благочестия, в котором совершается Господом отмщение истинным врагам. Ибо полчище сопротивных не могло быть истреблено иначе, как воскресшим за нас Господом. Но воскресению, конечно, должна предшествовать смерть. Посему возвестивший воскресение Господне, вместе с тем открыл и соединенное с воскресением, разумею, таинство страдания. А Пророк, став посему Богодухновенным, по вселении в него Духа Святаго, говорит: «воскресни, Господи, гневом Твоим, вознесися в концах враг Твоих» (Пс.7, 7), означая словом: «гнев» карательную силу праведного Судии, а последующими словами — уничтожение порока; потому что один только враг у естества, — то, что представляется противоположным добру, и это — порок, конец которого — уничтожение и превращение в ничто.

Посему Пророк, сказав: «вознесися в концах враг Твоих», дает видеть, что, поелику злоба врагов возымеет конец, то не останется более в жизни стремления к пороку. Ибо, как концом болезни бывает здоровье, и концом сна — пробуждение (спящий же, пока он во сне, не имеет конца сну, и больной еще

не на пределе между недугом и здоровьем; но когда с недужным последует выздоровление, а с спящим пробуждение, тогда говорим, что они при конце того, в чем каждый из них находился, один — сна, другой — болезни): так и здесь, приведение человеческого естества в блаженное состояние Пророк наименовал «концем врагов».

В рассуждении слова: «диапсалма» одну только во всей книге псалмов примечаем перемену в одном девятом псалме. Ибо не просто сказано: «диапсалма», но: «песнь диапсалмы». Хотя, может быть, речь сия извращена по какой-либо ошибке писца, так что должно лучше читать: «диапсалма песни», а не: «песнь диапсалмы», однако же, поелику надлежит иметь пред глазами изображенный в Иоанновом Апокалипсисе суд на изменяющих Божественные Писания прибавлением или убавлением; то, сохраняя преданный нам порядок речи в сей части Писания, попытаемся отыскать, ежели есть, причину, по которой написано: «песнь диапсалмы». Итак, соображаем, что от сей «диапсалмы» и до следующей была одна «диапсалма», когда Дух Святой влагал в Давида пророчесственные мысли. Но, не как в прочих случаях, и здесь это происходило.

Ибо в других случаях не вместе совершалось и оглашение, таинственно производимое в душе Духом, и возвешение сообщенного Пророку ведения, но пока сердце обучалось внутренно, слово безмолвствовало. Здесь же совокупно и в одно время совершаются два действия; Пророк в то же время, как пророчествует, приемлет от Духа наставление в высших сведениях, и продолжение песнопения не пресекается, но соприсущий органу Пророка Дух Святой Сам, по Своему изволению, приводит в движение издающий глас чувствилища, чтобы и песнь не умолкала, и учение не встречало препятствия в звуках; потому что самое учение Духа было песнь, как и называет это Симмах.

Но как таковая вставка слова встречается во многих местах псалмопения, то для получивших в сказанном общее напутие к уразумению слова: «диапсалма» достаточно и сего будет, чтобы не перебирать уже в подробности всех мест, где есть слово: «диапсалма». Ибо излишнее и вместе напрасное дело, останавливаясь на известном, длить слово рассуждением о том, что признано всеми.

Глава 11. (О порядке псалмов и о порядке восхождения душ человеческих)

Но иной основательно спросит и о том, почему порядок псалмопения не согласен с последовательностью истории. Ибо, если кто обратит внимание на расстояние времени, в которое продолжалась жизнь Давидова, и на последовательность событий; то не найдет, чтобы расположение псалмов согласовалось с порядком истории. Посему, обращаясь к первой цели нашего слова, скажем, что ни о чем этом не было заботы у нашего Учителя; а Учителем, думаю, должно наименовать Духа Святого, как говорит Господь: «Той вы научит всему» (Иоан.14, 26). Итак, Сим руководителем и наставником душ признается делом второстепенным все иное, попечение же у Него только о том, чтобы спасти блуждающих в суете жизни и привлечь к жизни истинной. Ибо для всякого дела, совершаемого с какою либо целью, есть некий естественный и необходимый порядок, при котором последовательно с успехом исполняется желаемое. Так у каменотесцев, хотя цель работы та, чтобы камень уподобить какому либо существу, однако же дело начинается не вдруг с конца, а напротив того, искусство вводить необходимый некий порядок, без которого желаемое не может быть сделано. Ибо сперва надлежит отделить камень от однородной с ним скалы, потом обсесть на нем бесполезные выпуклости, препятствующие тому, чтобы он уподобился предположенному, и таким образом обработать камень, выдолбив те его части, по отнятии которых в остальном начинает быть видим образ животного, которое изобразить старается художник. После сего, надобно какими либо более тонкими и слегка действующими орудиями очистить и выровнять шероховатость камня, и тогда уже остальному сообщить вид первообраза, наконец, поверхности камня придать лоск и большую гладкость, и сообщить произведению такую красоту всеми средствами, какие знает искусство. Таким же образом, поелику все естество наше от пристрастия к вещественному как бы окаменело, то слово, которое выделяет из нас первобытное Божественное подобие, неким путем и последовательно достигает конца своей цели. Прежде всего отделяет нас, как бы от какой-то однородной с нами скалы, разумею порок, с которым съединились мы какою-то постоянной дружбою. Потом отсекает излишки вещества; после сего начинает тому, что обделяет, придавать вид подобия образцу отнятием препятствующего сходству, и, таким образом, обучением мыслям более тонким, очищая и выравнивая наше разумение, напечатлением добродетели воображает в нас Христа, по образу Которого и первоначально мы были, и снова сотворены.

Посему какой же порядок в обработке наших душ? В первом отдел псалмопения, отлучены мы от

порочной жизни, а в следующих отделах непрерывно последовательностью уподобление доведено до совершенства. Посему порядок псалмов строен, потому что, как сказано, Духу желательно научить нас не простой истории, но души наши образовать добродетелью по Богу, как требует сего последовательное уразумение написанного в псалмах, а не какое нужно в исторической последовательности. Ибо, как в представленном нами примере каменотесания много орудий потребно искусству для обработки изваяния, и орудия сии не сходны между собою по наружному виду, но иные к концу сделаны винтообразными, другие имеют острее, на подобие пилы, другие же устроены в виде резца, иным придан вид полукружия; из всего же этого и подобного сему служит художнику каждая вещь в свое время: так и истинному искуснику, художнически приводящему души наши в Божественное подобие, как бы вместо неких каменотесных орудий, уготованы псалмопения; употребление же сих орудий приводит в порядок потребность делания. И художнику не для чего любопытствовать, какое из орудий выковано прежде другого, чтобы приготовленное прежде и в деле тесания употребить первым. Ибо кто обращает внимание на потребность, тот первым и вторым часто употребляемым делает то орудие, которое присоветует потребность.

Посему, идет ли речь в первых псалмах о Голиафе и Сауле, а в последних об Авессаломе, об Урии, о «словесех Хусиевых» (Пс. 7, 1), о встрече с Вирсавиею, нет до сего дела тому, кто образует ими сердца наши, но только бы от каждого псалма было какое либо содействие к нашему благу; сие одно имеет в виду и последовательность в деле спасения. Наилучшим порядком делается последовательность и порядок в том, что содействует нам в этом.

Так первый псалом удалил человека от сродства со злом, второй, предвозвестив явление Господа во плоти и показав, что блаженство наше — упование на Него, указал, к кому должны мы прилепиться.

Третий псалом предвещает предстоящее тебе от врага искушение, так что тебя, помазанного уже на царство за веру и соцарствующего с истинным Помазанником, намеревается свергнуть с сего достоинства не кто либо внешний, но тот, кто от тебя самого происходит. Ибо не со стороны заимствованную имеет над нами силу неприятель, и не бываем мы свергнуты с своего достоинства кем другим, если сами при тяжких муках не соделаемся отцами злого порождения, которое угрожает нашему царству и восстает на него, тогда одерживая над нами верх, когда осквернит сожительствующих с нами, делая открытым срам, то есть, когда объявит всем о растлении в нас добродетелей, с которыми сожительствовали мы некогда. Посему, поелику в первых псалмах не укреплены еще наши силы к борьбам, чтобы при нападениях противника лицом к лицу вступить с ним в битву; то слово показало боримым, что не маловажно для безопасности избегать нашествия подобного врага, примером из надписания (Пс. 11) научая тебя, что, когда родится у тебя Авессалом, власатый пороками братоубийца, вознеистовавший на честный твой брак и на ложе не скверное; тогда бегай, как говорит Господь, из города в город (Матф. 10, 23). Ибо бегством от лица такого сына — Авессалома, тому, кто собрал свои силы при помощи древа, привязавшего к себе лукавые власы Авессаломовы, можно тремя стрелами умертвить врага.

Конечно же, явен для тебя смысл, представляемый историею загадки, то есть, как значение древа, к которому пригвождены были власы порока, что именует Апостол рукописанием грехов, говоря: «и то взять от среды, пригвоздив е на кресте» (Кол. 2, 14), то есть, на древе, так и значение трех стрел, в средину сердца поражающих врага, чем наносится и смерть врагу последнему.

Чтобы иметь нам надлежащее понятие о стреле, вникнем в пророчество Исаии, который говорит от лица Господа: «положи Мя яко стрелу избранну, и в туле Своем» вознес «Мя» (Иса. 49, 2). Посему стрела сия есть живое Слово Господне, «острейшее паче всякаго меча обоюду остра» (Евр. 4, 12), слово же есть Христос; и в сем имени исповедуется таинство Троицы. В Нем познаем и Помазанного, и Помазанного, и Того, Кем помазан. Ибо если недостает одного из трех, то не составляется и имя Христово. Посему имя сие, когда вознесено оно в туле нашем, то есть, когда верою приемлется в душе нашей (потому что туле слова есть душа); тогда делается губительным для восстающего на нас и преследующего нас, кому уничтожение на древе.

Посему после благовременного бегства от восстающего (который по естеству один, но делается множеством при худом вспоможении), и после сказанного: «умножишася стужающий ми: мнози встают на мя» (Пс. 3, 2), и после всего того, что далее заключает в себе псалмопение, полагается уже начало побед. Ибо благовременное бегство от восстающих делается причиною победы над врагами. Посему последующее псалмопение имеет надписание: «в конец». А конец всякой борьбы — победа (как наше слово предварительно установило сие значение). И кто однажды изведет сию победу, у того победы над врагами успешно следуют одна за другою; потому что в первой победе, когда житейские сладости входили в состязание с душевными благами, в тебе склонность к лучшему препобедила вещественное оболщание. Осудив ищущих суетного и любящих ложь, пристрастие к видимому

обменил ты на вождение невидимого.

В следующем псалме побеждаешь другим способом. Ибо двое вас состязающихся между собою об истинном наследии, и другой выставляет на вид закон, а ты веру; правдивый же подвигоположник тебе предоставляет награды за победу над ним, так что чистое состояние души делается для тебя восходом солнца, к удалившемуся от тьмы приводящего начало дня, что псалмопение именуется словом: «заутра» (Пс.5,4). Таким образом, у подвижника всегда следует победа за победою, и преспеяния в следствие победы делаются непрестанно большими и славнейшими.

Еще по порядку следует другая победа, одерживаемая по указанному прежде сего. Ибо кто признал наследие, тот помнит о «осмом» (Пс. 6) дне, который служит пределом настоящего времени и началом будущего века. Особенность же осмого дня та, что пребывающим в оный не дается уже времени на приуготовление добрых или злых дел; но чего семена посеет кто себе самому делами своими, рукояти того и воздадутся ему в замен. Посему, кто упражнялся в одержании сих побед, тому псалом вменяет в закон покаяние приносить здесь, потому что во аде старание о подобном сему не исполнимо.

Еще к новым борбам отсылает слово; снова умащает пред приражением искушений. Ибо тот же неприятель, этот Авессалом, как бы возродившись от нас, восставляет ту же нами уготовляемую брань, в которой обращает в бегство уготовляющего нам смерть наше благоразумие в деле, лучше же сказать, Божия помощь. Ибо Пророк, причину добрых для него последствий от слов Хусиевых приписав Богу, воздает тем благодарение. Но излишним будет делом в точности излагать тебе историю, как этот Хусий, верный между оруженосцами Давидовыми, вмешивается в число друзей Авессаломовых, и у похитителя власти приобретает более доверия, нежели совет Ахитофелов, от чего произошло, что, когда в совет одержало верх решение Хусиево, подававшей Авессалому гибельный для Давида совет сам на себя кладет удавку. Стоило бы внимания к жизни добродетельной применить то, что в истории загадочно; почему спасающее нас определение делается удавкою сопротивнику? и сие спасительное определение описывается, как в истории, так и в псалмопении? Но наша цель в порядке псалмов выразуметь ту связь, которою приводимся к благу. Поэтому обратим здесь внимание на определение, губительное для подающего нам коварный совет. Какое же это определение? Равно вменить в порок — и начинать неправду, и мстить начавшему. Ибо Давид признает себя достойным крайних бедствий, и сам себе определяет наказание, если окажется, что он как бы в обмен за зло вознаграждал злом, и за сделанные ему прежде обиды воздавал тем же, что сам получил.

И таким образом Пророк после сих борений снова оказывается победителем. Ибо следует надписание, предугазующее «конец: о точилех» (Пс. 8); а конец борьбы есть победа. Но распространять снова речь о смысле сего выражения: «о точилех», будет делом излишним, когда достаточно раскрыть оный при исследовании его в своем месте. Пророк, как после первого бегства от Авессалома за различие дел истинных с суетною заботою удостоивается победы, так и теперь, после подобных борений, пользуясь споборающим сопротивника словом: «о точилех», делается победителем за сокрушение вместе «врага и местника» (7), который потому и именуется и «врагом и местником», что самые приманки его ко греху служат для чувствующих всего тягчайшим наказанием, и то самое, чем, обманывая, привлекает он человека к общению с злом, есть несноснейший род мучения. Так объясняет мысль сию Божественный Апостол, сказав: «возмездге, еже подобаше прелести их, в себе восприемлюще» (Рим. 1, 27). Ибо какое другое тягчайшее наказание могло бы быть придумано за нечистоту студа, какой сами на себе содевают делатели студа? Посему ты, собственно своею жизнью сокрушивший силу такого «местника», который предающегося пороку наказывает соучастием его в пороке, обрати взор на небеса, и на великолепие, которое превыше небес, и на достоинство естества нашего, над кем оно начальствует и с кем поставлено в один ряд. Ибо одним и тем же и над бессловесными владычествует, и, сравниваемое с Ангелами, не многим умалено в равенстве с ними. Разум причиною тому, что имеет и начальство над бессловесными, и близость к Ангелам.

Еще следует способ новой победы, когда ты, Пророк, прешедши видимое, вступаешь с Словом в сокровенное; а Слово — Сын. И достаточно уже обученный предшествующими победами, псалмопевствуешь о «тайных сына» (Пс. 9) в благозвучном и стройном созерцании, и снова, победив в тайне устрояющего нам козни зверя, преследуешь так, чтобы врагу не оставалось больше повода хвалиться перед нами. «Да не приложит ктому величаться человек на земли» (Пс. 9, 39). Тогда, по причине последовательно одержанной тобою победы, имея еще совершеннейшее упование на Бога, говоришь: «на Господа уповах» (Псал. 10, 1). А в последующей за тем победою снова припоминаешь «об осмей» (Пс. 11), когда истребляются «языке велеречивый и устны льстивыя» (Пс. 11, 4) и неистовство против Бога. Но сохранены будут «от рода сего и во век» (8) не ходящее окрест нечестия, а держащиеся прямого пути, «егоже обновил есть нам» Бог — «путь новый и живой» (Евр.10, 19. 20).

И какая надобность говорить о каждом псалме? Достаточно тебе и сего напутствия, предугавающего дальнейший путь к совершенству в порядке и надписании, и псалмов, после того как к таковому разумению немало помогает нам в предшествующих словах предложенное истолкование надписаний.

Глава 12. (После удаления от зла ублажается познание добра, а также толкование псалмов 47,48)

Но как кончился первый отдел восхождения посредством псалмов; в сороковом псалме снова делается повторение о блаженстве, и псаломское слово иначе, нежели в начале, определяет нам блаженство. Ибо в начале блаженным признано удаляться от зла; а здесь ублажается познание добра. Но естество добра, или если можно найти какое высшее сего речение или понятие, есть сей едиnorodный Бог, Который «нас ради обнища богат сый» (2Кор. 8, 9). Его-то нищету во плоти, показанную нам в евангельском сказании, предвозвещает здесь слово, ублажая с разумением познавшего оную нищету Того, Кто нищ по образу раба, но благословен по естеству Божества. Ибо слово, в начале псалмопения наименовав Его «убогим и нищим» (Пс. 40, 2), в конце отдела говорит: «благословен Господь Бог Израилев от века и до века: буди, буди» (14).

Итак, достигший сей высоты начинает новое восхождение. Ибо, оставив отца Корея, который по гордости вознесся против священства, и за сие попален огнем, поглощен разверзшеюся землею, и за грех соделался преисподним, верою усыновляет себя истинному Отцу, уразумев, сколько разности в этом — соделаться чадом Божиим, или называться сыном отступника Корея. Посему, улучив конец победы, познав, сколько разности между сим Отцем и отцем лукавым, поглотив и истребив в себе всякую зверскую и ядовитую мысль, подобно тому, как естеству еленей существенно принадлежит сила истреблять пресмыкающихся, уподобляется еленим и жаждою, и жаждет Божественных источников (а это — само Божественное естество, единое в существе и созерцаемое в Троице). Ибо говорит: «имже образом желает елень на источники водные: сице желает душа моя к Тебе Боже» (Пс.41, 1). Потом утоляет жажду, соединенную с пожеланием, и поспешая улучшить желаемое, даже непродолжительное замедление в приобщении благ вмения в бедствие, в середине и в конце псалмопения говорит: «вскую прискорбна еси душе моя?» и: «уповай на Бога» (6. 12), потому что действительно нам обещано благое услаждение Божественным упованием.

И таким образом Пророк переходит к следующему псалму, в котором от жертвенника Божия делается юным (Пс.42, 4); а в следующем снова ведущих род от Корея делает победителями, показывая, что худородством отцов не ослабляется добрая слава пред Богом. Причину же истребления врагов приписав в сем псалмопении Богу, когда говорит: «спасл бо еси нас от стужающих нам, и ненавидящих нас посрамил еси» (Пс.43,8), переходит к песни о возлюбленном, чтобы бывшие сперва сынами отступника, а потом соделавшиеся победителями лукавого, пришедши в разум, достигли конца победы. Ибо сказано: «в конец, в разум, песнь о возлюбленном» (Пс.44,1). Из сей песни узнаем, кто Тот, Которого престол от вечности превыше всех существ, и кто та дева, которая уневещивается Ему для сожителства, не иначе удостоенная сей чести, как уже по забвении отца своего (11).

И сию песнь посвятив возлюбленному, снова слагает Пророк победную песнь о «сынех Кореовых» (Пс.45, 1), продолжая речь о предметах таинственных. Ибо наименование псалмопению: «о тайных», и под сим именем описывается в слове и шум вод, и движение народов, и призывание царей, и колебание земли, и сказано, что «Господь» всякой силы «с нами» (8,12). А всем этим Пророк предвозвещает пришествие Господне во плоти, когда и все естество издает глас, и с места на место переходят горы, — эти земные мудрования порока, о которых древле думали, что они неподвижны и непреложны; и река веселья «веселит град Божий, и селение Свое освящаете Вышний» (5), и все, что следует в том же порядке, и в чем слово сими загадками предвозвещает тайны.

И еще к новой победе переходит слово; ей рукоплещут и радуются все народы, потому что «взыде Бог в воскликновении» (Пс.46, 6). Конечно же, ясно для тебя слово: «восхождение», по толкованию Павла, который говорит, что невозможно взойти, если не предшествовало нисхождение (Ефес.4, 9). Повелев же всем петь разумно (Пс.46,8), Пророк переходит словом к более возвышенному состоянию, предметом песни соделав «второй» день «субботы» (Пс.47, 1). А день сей, если смотреть на него по первоначальному устройению мера, есть приуготовление неба и тверди и отделение пренебесных вод от наземных. Если же обратишь взоры к Евангелию, то подлинно он уготовал нам небо; потому что небо называет Бог твердью; а Павел представляет себе утверждением веру во Христа. Ибо тогда подлинно создается для нас по вере небо, когда прошла печаль субботы, и соделалась для нас верною тайна «нареченного Сына Божия в силе, по Духу святыни, из воскресения от мертвых,

Иисуса Господа нашего» (Рим.1, 4), Который подлинно «велий Господь и хвален zelo» (Псал.47, 2), и что еще по порядку содержит в себе псалом, и этот Божественный град, который именуется у Пророка «горою благокоренною, радованием вся земля — горами сионскими» (2.3), о котором наипаче повествуется всего более чудное, что бывший некогда «ребрами северовыми» ныне стал «градом Царя великого», и что «Бог в тяжестех его знаем есть» (3,4), чем ясно указывается в слове на то чудо, какое видим в Церкви. Ибо северный край земли мрачен и холоден, всегда остается не освещенным и лишенным солнечных лучей. Посему-то сопротивная сила разумеется под именем севера.

Итак, тот же город, который некогда находился на севере и был ребром его, переведенный из жизни темной и холодной, соделался градом Божиим и местопребыванием царского жилища. «В тяжестех его знаем есть Бог. Тяжестями» же Пророк называет объем зданий, построенных в виде четвероугольников, которыми гадательно означаются твердые и высокие столпоздания добродетелей, усматриваемые в душах святых, так как только в держащихся такого образа жизни познается Бог. С предложенным прежде согласно и следующее: «яко царие собрашася в нем» (5); потому что собрание не рабствующих, но царствующих обитает в Божественном оном граде: «тии», сказано, «видевше тако, удивившася» (6).

Пророк объявляет и причину сего удивления; те которые недостойно населяли прежде сей град, когда был он ребрами северовыми, «смятошася, подвигошася: трепет прият я». И не трепет только, но и «болезни яко раждающая» (7). Все сие, говорит Пророк, произведено в них духом бурным, сокрушившим корабли отступления, худо плавающее по морю житейскому. Ибо сказано: «духом бурным сокрушиши корабли варсийския» (8). Но кто содержит в памяти историю Деяний, тому не неизвестно «дыхание бурно» (Деян.2,21), какое ученики познали «в горнице» (1,13); и кто внимательнее читал пророчество Ионы, конечно знает, что отступившей от Бога ищет корабля, плывущего в Фарсис. Потом псаломское слово, как бы разделившись на два лица, в первых речениях принимает на себя лице начинающего речь, а в последующих произносит сказанное принявшими слово. Ибо, говорит Пророк, соглашаясь в истине прежде произнесенного, как бы узнав сказанное кем либо другим: «якоже слышахом, тако и видехом во граде Господа сил во граде Бога нашего» (Пс.47,9), Потому с наслаждением увидевших, что слышали, представил подающими совет друг другу. А совет был таков: «обидите Сион, и обымите его, поведите в столпех его: положите сердца ваша в силу его и разделите в силу его, дома его» (13, 14), и что еще содержит в себе псалом.

После сего проповедь, слова распространяется по порядку по всей земле, и как до смешения языков у всех были «устне едине и глас един» (Быт.11, 1): так и теперь все народы, вся вселенная, все люди делаются единый слух и единое сердце, потому что всех оглашает единое слово. Ибо, совокупив в одно собрание весь человеческий род, и целый мир претворив в одно зрелище, всем вообще возглашает слово, говоря: «услышите еси языцы, внушите еси живущии по вселенной, земнороднии же и сынове человечести», богат ли кто в вас, или убог (Пс.48, 2. 3). Сими тремя сочетаниями Пророк объедает вообще всякое различие в жизни человеческой. В первом сочетании скажет: «еси языцы и живущии по вселенной», чтобы именем языков означить местные ограничения, а следующим выражением — обитателей сих мест. Сказав же: «земнороднии и сынове человечести», людей плотских, перстных и менее разумных, отличает от спасаемых и имеющих в себе некую отличительную черту естества человеческого; а собственно отличительная черта человека — подобие Божеству. Неравенство же житейское по бедности и богатству есть самая общая причина различного и многообразного несходства в делах человеческих.

Но кто этот, вещающий слово в таком многочисленном и разнородном собрании слушателей? Кто иной, кроме свидетельствующего о Себе, что «возглаголет премудрость и разум» (4)? А глаголет это, кто имеет духа премудрости и разума, эту великую благодать, в которой человек преуспевает внимательностью и размышлением; ибо Пророк, сказав, что не отверзет уст, пока, не приклонит слух к предлагаемому слову, говорит: «уста моя возглаголют премудрость, и поучение сердца моего разум» (4).

И сперва «приклоню в притчу ухо мое», а тогда уже «отверзу во Псалтири ганание мое» (5). Посему какой же это разум и какое это «ганание»? Тварь Божия, говорит Пророк, не видела приготовления какого либо лукавого дня, как свидетельствует слово миробытия, но грех день радования соделал днем страха и наказания, которого могли бы мы не бояться, если бы блюдуший нашу пята змий, которому имя беззаконие, не кружился на жизненном нашем пути и, пресмыкаясь по оному, не соделал его негладким и страшно колючим, усыпав повсюду разными чешуями страстей. Потом, все псалмопение разделив на две части, Пророк в первой части предлагает совет не иметь в виду никакого другого Избавителя. Ибо говорит, что «не избавит ни брат» ни другой какой «человек», но каждый будет сам о себе умолять, если «даст Богу измену за ся, и цену избавления души своя» (8,

9). Имеет же Пророк в виду ту заботливость, с. какую в этой жизни гоняемся за суетным, обратить для нас в совет к презрению того, о чем заботимся. Почему люди проводят жизнь в безрассудных трудах, как будто надеются жить всегда? Почему не чают себе смерти и тления те, которые видят пред собою умирающих? Подлинно неразумны и безрассудны те, которые видят, что после этой жизни другим оставят свое богатство, а сами навсегда поселятся в гробах, если имен своих возвышенною жизнью не вписали на небесах, но, возжелав быть именитыми на земле, соделали себя безыменными в горнем граде. А всему этому причиной то, что человек не понимает собственной своей чести, но добровольно вовлекается в скотские удовольствия, будучи предан гортани и чреву, а по чреву и скверне. Это составляет часть первого отдела в псалме. Остальная же часть содержит в себе обвинение в ином; но опять тем же изречением оканчивается слово. И сим, думаю, пророчество дает нам видеть любомудренное свое учение о первой причине доступа к нам зол, — а именно, что человек уподобился скотам страстями, свойственными бессловесным.

Да и по уврачевании нашем от такого зла, совершенном благодатью Призревшего милосердо на род человеческий, люди, снова оставив доброго Пастыря, пасутся смертью, уклоняясь не на небесную, но на адскую пажить и делаясь овцами ада. Ибо сказано: «яко овцы во аде положены суть, смерть упасет я» (15). Так грехом снова производится в нас нечувствительность к чести, даруемой нам благодатью, и стремление к бессловесной жизни. Ибо все, совершающееся вне истинного разума, есть бессловесие; а бессловесие и бессмысленность свойственны скотам.

Глава 13. (Толкование 51, 52, 53, 54 псалмов)

Излишним было бы делом подробно писать о содержащемся в псалмопении, разбирая с точностью каждое выражение; ибо желающий с великим удобством может из сказанного уразуметь и не объясненное; почему, думаю, не должно речи придавать длинноту многословьем. Разве из доселе исследованного необходимо повторить то одно, что великий Давид два благодеяния оказывает естеству человеческому, одно тем, что иносказательно предъизображает наше спасение, а другое тем, что указывает людям способ покаяния, для преспеяния в этом, как бы какому искусству, обучая пятьдесятым псалмом, которым уготовляется для нас новая победа над противником.

Ибо уметь очищать себя от худого — значит стать готовым, и иметь предлог к непрестанной победе над врагом; потому что у нас в жизни сей ведется непрерывная «брань к млродержителю тьмы сей, к духовом злобы поднебесным» (Ефес.6, 12). А как при всяком приращении искушения имеем у себя одну только защиту — покаяние, то воспользовавшейся им с преспеянием во всякое время бывает победителем всегда нападающего.

Но при этом, хотя в надписаниях есть историческая непоследовательность; однако же смысл связуется последовательно. Ибо дело с Вирсавией и Урием гораздо позднее повествуемого об Идумеянине Доике. Последнее происходило в начале самовластия Саулова, а первое случилось незадолго до конца царствования Давидова. Но Дух не заботится в слове о временном и плотском порядке дел. Ибо какая для меня великая польза сперва узнать об Идумеянине, а потом приобрести сведение о Вирсавии? Какая в этом добродетель? Какое восхождение к лучшему? Какой урок для изучения высших пожеланий? Но если, дознав тайны пятидесятого псалма, какое слово содержит в глубине своей, вместе с сим изучу то врачевство, какое к сокращению противника дано нам в учении о покаянии, так что чрез это приобрету навык и умение к всегдашней победе над врагом; то смотри, сколько буду способен к дальнейшему по порядку восхождению, одерживая победу за победой.

Прочитаю же тебе историческое надписание, изложенное в такой связи: «в конец, разума Давиду, внемга приити Доику идумейску, и возвестити Саулу, и рещи ему: прииде Давид в дом Авимелехов» (Пс.51,1.2). Из сего научаюсь, что тогда сие приводит к концу победы, когда моею жизнью, как у великого Давида, управляет разум; и тогда всего более огорчаю Доика, этого противника моему спасению, пребывая в доме иерея, когда сей прислужник мсков, не имея более возможности сойтись со мною лицом к лицу, тайно составляет против меня злоумышление, донося моему убийце о моем пребывании у иерея.

Да будет же явно, что такое и эти мски, к которым приставлен сей Идумеянин, пасущий бесплодную породу, для которой не нашло себе места Божье благословение, в начале вложившее в тварь способность к размножению, как сказано: «раститесь, и множитесь» (Быт. 1, 22); потому что размножение порока не от Бога; как и у мсков не друг от друга преемство рода, но всегда природа вновь производит сие животное, от себя ухищряясь и вводя в бытие не существующее в числе тварей. Без сомнения же, из сказанного явствует, какую цель имеет в виду слово. Ибо если вся, «елика

сотвори» Господь, «добра зело» (Быт. 1, 31), а мекк вне списка вошедших в число тварей, то явствует, что имя сие взято в историю для указания им на порок. Посему не от Бога имеет существование, да и став тем, что он есть, не достаточен в силах к продолжению собственного своего бытия. Ибо как не само себя соблюдает естество мсков, так и порок не остается навсегда хранимым сам собою, но всякой раз бывает порожаем иным, когда благородное, бодрое, скорое и высоковоинное в нашем естестве поползается в вожделение сочетания с безгласным и бессловесным.

Итак, этот иноплеменник Доик, служащий Саулу вестником о Давид, этот пастух бесплодного стада мсков, не иной кто, как злой ангел, различными греховными страстями привлекающий к худому человеческую душу, на которую, когда увидит, что она в доме истинного иерея, тогда, не имея возможности поразить человека брыканиями мсков, доносит «князю злобы духа, иже действует в сынех противления» (Ефес.2,2). Но укорененный, «яко маслина плодовита в дому Божию» (Пс.51,10), отвечает мучителю теми словами, какие слышали мы в псалмопении, которое говорит: «что хвалишиися во злобе сильный беззаконием» (3)? Ты, у кого «язык, яко бритва изошрена» (4), у всякого, на кого бывает возложена, похищающая благолепие власов и остригающая «седьм плиц» (Суд. 16, 19) кудрей, в которых наша сила. Конечно же, из седмеричного числа, так как Исаия исчислил седмерично подаваемую благодать Духа, составишь себе понятие о духовных «плицях», за острижением которых, как было с Сампсоном, следует утрата очей, и то, что человек делается посмешищем для Филистимлян, когда упиются. Но Пророк, сказав, какими чертами описываются отличительные свойства сильного в пороке, присовокупляет, что Бог будет истреблять его до «конца», пока не «восторгнет» ныне, и не «преселит» от Божественного «селения», и «от земли живых» не ископает корней злобы и горечи его (7), и не совершится все то, что псалмопение в след за сим содержит в себе относящегося к той же мысли, и чем, по словам Божественного Апостола, усвершается твердость «укорененных верою» (Кол. 2, 7). Ибо Пророк говорит: «аз же яко маслина плодовита в дому Божию: уповах на милость Божию во век» (Пс.51, 10), и в продолжение времени большее еще этого, которому мера — беспредельность, и которое Пророк именует: «век века»; а сим и благодарение Богу обещается приносить вечно, говоря: «исповемся Тебе в век, яко сотворил еси» мне то, за что должно благодарить. «И терплю», — продолжает, - «имя Твое» (11), потому что терпение для преподобных Твоих есть благо.

Но как многоцветный отблеск по разнообразию цвета красок нечувствительно переходит из одного цвета в другой, неприметно смешивая между собою разноцветные лучи: так можно видеть, что сие псалмопение крайний луч мысли последовательно сливает с началом светлости следующего псалма, так что среда между псалмами делается неощутительною, потому что смысл предыдущего псалмопения и смысл последующего сливаются сами собою. Ибо, «яко маслина плодовита», укоренившийся «в дому Божию», положивши в себе незыблемое и неподвижное утверждение веры и надежду на милость Божию благодарности сраспростерший с беспредельностью веков, приходит в раздражение на безумствующих, у которых верх безумия — об истинно Сущем, о Том, Кто над всеми и во всех, сказать: нет Его. При стольких и столь сильных доказательствах (рассуждает Пророк, и прежде всего указывает на Божие о людях промышленности; почему твердость надежд так непреложна, что желание исполнения, простирающееся на вечность веков, не утомляется), почему говорит «безумен в сердце своем: несть Бог; растлеша и омерзися» в таковых начинаниях ума (Пс.52, 2). Ибо отпадение от подлинно Сущего действительно есть повреждение и разрушение существующего. Возможно ли кому существовать, не будучи в Сущем? Возможно ли кому пребывать в Сущем, не веруя в Сущего, что Он есть? Но подлинно Сущий, без сомнения, есть Бог, как великому Моисею свидетельствует о сем видение Богоявления. Посему, кто в мысли своей не дает места бытию Божию, говоря, что Бога нет, тот, став вне Сущего, растлил собственное свое бытие.

Посему Пророк говорит: поелику «уклонишася» от Бога, то немедленно «еси непотребни быша» (4), подобно какому-то брошенному сосуду, признанному ни на что не годным. А что негодно для хорошего, то своею непригодностью для лучшего ясно показывает пригодность для худого. Итак, посему-то Господь с «небесе причине на сыны человеческия» (3). А таковое слово предуказует Господне сопребывание с людьми в то время, когда предводителям в неверии, священникам, фарисеям, книжникам, с покорностью последовали все. Ибо они хульными своими зубами терзали и поедали народ. Потому сказано у Пророка: «тамо устрашишася страха, идеже не бе страх, снедающи люди Моя в снесь хлеба» (5. 6), подобно как и страждущие недугом водобоязни, для которых, если сделается возможным принять в себя воды, для страждущего будет сие врачевством от недуга.

Но они боятся почему-то предлагаемого в спасение, и чуждаются спасающего, по страху не погибнуть, уготовляя себе гибель. Так и иудеи, когда взывает к ним Источник: «аще кто жаждет, да придет ко Мне, и пьет» (Иоан.7, 37), поелику чувствилища души были у них предварительно объаты

неистовством неверия, «устрашишася страха, идеже не бе страх», отвращаясь от спасительного пития, не зная того, что в роде праведных бывает Бог, дающий «от Сиона спасение Израилю, и пленение людей Своих» от лукаво пленившего нас грехом, снова возвращающий к Себе (Пс.52, 7), когда в веселии и радовании истинный Израильтянин и духовный Иаков.

Посему таков смысл псалмопения, как, по сказанному теперь, можно находить в выражениях сего псалмопения. Но с сим смыслом согласно и надписание псалма. Ибо надписание дает видеть, что псалмопение сие есть победная песнь, разумно возглашаемая ликом. Ибо сказано: «в конец, о Маелефе, разума Давиду» (Пс.52, 1); а Маелеф толкуется лик. И вместо сего: «в конец» иные толковники написали: победная песнь.

Последовательно за сим поступающее далее слово, снова соображаясь с понятиями, приобретаемыми по мере преспеяния, применяет к ним сказанное в истории загадочно. Когда бездейственным против нас делается Доик, этот Идумеянин, пасущий в себе бесполою породу мсков (а и в предшествовавшем слове сказано то, что животным сим означает грех; потому что и грех есть плод бесполого оногo древа, которое в Писании именуется «добрым и лукавым» (Быт. 2, 9), добрым; так как грех, за которым гонятся плотолубцы, как за добром, прикрыт приманками удовольствия, и так же лукавым; ибо, за чем гонимся теперь, как за прекрасным, то приводит к горькому концу: равно как и в представляемом животном можно видеть знаки двух пород, коня и осла, так что меск есть вместе конь и осел, но не раздельно тот и другой, а в одном животном два, потому что двоякая природа животных соединилась к произведению сего животного); посему, когда доносчиком мучителю о пребывании нашем у иерея соделается оный умопредставляемый нами иноплеменник; а потом сего величающегося порочностью и приобретшего силу в беззаконии, при помощи Божьей, лишим мы владычества и, исторгнув из земли живых, искореним его; соделавшись маслиною, увеселяемою и обременяемою множеством плодов, и, будучи усилены надеждою на Бога, ликовствуя, воспоем победную песнь над побежденным: тогда по всему праву поступим в высшее, в подлинном смысле, по словам Песни, «скача на горы, и прескача на холмы» (П.Песн.2. 8). Итак, что же это за гора, на которую теперь перескакивает слово с прежней горы мыслей? Иная снова победа, и иные по победе «песни разума», слагаемые «Давиду». Вызывает же здесь на подвиги не стадо уже мсков, но племя Зифеев, которые, заседши в теснинах знойного восхождения, когда не возмогут воспрепятствовать нам совершить шествие теснинами, тогда снова поспешат к Саулу, опечаленному нашим спасением. Ибо сказано: «в конец в песнях разума Давиду, внегда приити Зифеем, и рещи Саулови: се Давид скрыся в нас» (Пс.53, 1. 2). Конечно же, кому не неизвестна история, тот знает некое тесное и знойное место, упоминаемое в этой стране. А под сим утесненным проходом понимаем Евангельский путь царства, на котором преграждают шествие Зифеи, то есть иноплеменное полчище демонов, эти служители сопротивной силы, и который находят немногие, отвращающиеся пути широкого. Буквально же история сия читается так: «не се ли Давид скрыся у нас в Мессаре во узинах на холме?» (1 Пар. 23, 19)

Ибо действительно в сей тесноте укрываются живущие по Богу. А путь сей указывает нам Новый Завет, с помощью которого можно взойти на самую высокую вершину горы, в историческом рассказе именуемую холмом. Посему, когда беспрепятственно проходим оный тесный путь, Зифеи о нашем спасении доносят мучителю; а мы имени Спасшего предоставляем власть судить нас ко благу, говоря: «Боже, во имя Твое спаси мя, и в силе Твоей суди ми» (Пс. 53, 3). Ибо совершившееся изображено в слове, как ожидаемое.

Так Писание не обращает внимания на точность показаний времени. Ибо пророчество и о будущем многократно поведывало, как о прошедшем, и о бывшем, как об ожидаемом, что можно видеть и в сем псалмопении к концу его. Не сказал Пророк: воззрит, но «возре око мое на враги моя» (9). Из сего дознаем, что для Бога нет ничего ни будущего, ни прошедшего, но все в настоящем, так что при речениях о Божией силе, имеют ли они какое значение прошедшего или будущего, понятие не выходит из пределов настоящего. Посему вступившей на путь знойный и тесный и обративший в бегство скопище Зифеев, говорит Богу: во имя Твое совершилось наше спасение, и в Твоем владычестве имеет силу суд наш во благо, и всегда будет это. А за сие Пророк призывает Божий слух выслушать благодарения, сказуя о восстании чуждых и сильных в злобе, о взыскании души его теми, кем предводит не Бог, но противник Божий. Ибо говорит поэтому: они «не предложиша Бога пред собою» (5), а мне «помогает Бог» (6), возвращающий зло изобретателям злобы, истинною же уничтожающий все, что враждебно истине и иноплеменною с нею. А я, говорит Пророк, возблагодарю Того, в Чье имя спасен, потому что благодарность для меня благо с тех пор, как избавился я от скорбей, и своими глазами увидел уничтожение врагов. Ибо пророческое око увеселяется этим, когда не усматривается более ничего сопротивного добродетели. А по истреблении порока, который, как враг, противостоит добродетели, не останется уже и имени врагов. Ибо кто еще назовется врагом,

когда не живет более вражда, но, как говорит Апостол, убил ее Мир (Ефес.2, 14. 16).

Но чтобы высказанную теперь мысль приложить к словам псалмопения, прочти до буквы самое псалмописание, по порядку поставленное пятьдесят третьим. Пророк, когда преодолел уже Зифеев, увидел конечную гибель порока, снова пришедши в сознание содействия свыше, воспеваает победную песнь Богу. Ибо надписание читается так: «в конец, в песнях разума Давиду».

Но как в телесных борьбах подвижники ведут дело не с теми же соперниками, которых преодолевали на поприще в молодости, напротив того, по мере возрастающей у них силы, выходят на противоборников, которые больше и ростом и крепостью; а если и этих одолеют, вступают в борьбу с превосходнейшими и их, всегда соразмерно приращению сил своих выбирая для борьбы сильнейших противников; таким же образом и тот, кто много раз отличался победами над врагами, делает победы свои еще более знаменитыми, вступая в битву с противоборниками более знаменитыми и важными.

И поэтому просит Подвигоположника об услышании, говоря: «внуши, Боже, молитву мою, и не презри моления моего» (Пс. 54, 2). Просит также обратить внимание на подвиг его, продолжая речь: «вонми ми, и услыши мя» (3). Указывает в слове на трудности подвигов, описывая печаль, затруднение, смятение сердца, «вражий глас, стужение грешниче» (4), открывая сие Самому Подвигоположнику, как некие поражения, нанесенные на поприще противоборниками, и сверх этого еще «смятение сердца, боязнь смерти, страх и трепет», мрак, объявший всю его жизнь, (5, 6); почему, чтобы преодолеть столько трудностей и стать выше их, для всего этого нашелся один только способ — окрылиться ему крыльями голубиными, и поднявшись ввысь, там остановить полет в таком месте, которое, будучи безопасно от всех зол, изобилует дарами Божественными. Ибо говорит Пророк: водворившись «в пустыни от дольного малодушия и бури» искушений (8, 9), там я получил спасение Божие, где уничтожается порок. Так как слово: потоп у Пророка означает уничтожение, потому что все, поступившее в глубину, уничтожается. Посему погружение в глубину и погибель греха есть сокрушение порочного общества. Потому сказано, что потопляется Богом зло, когда разделяются Им языки соумышляющих злое. И что еще далее содержит в себе смысл сего псалмопения, изображение города, население его дурными предначинаниями, — все это клонится к тому же. Ибо Пророк именуется и перечисляет худых обитателей сего города, сказуя, что «беззаконие и пререkanie во граде» (10), «нощию обходят по стене», и еще «беззаконие, труд и неправда» питаются «посреде» града (11). Показывает же, какая злая толпа наполняет стогны его, именуя «лихву и лесь» (12), самое же тяжкое из всего этого, здесь поименованного, по словам Пророка, есть лицемерие, которое, принимая на себя равнодушную и показывающую знаки любви наружность, под этим добрым покровом скрывает обман. Посему правдивый Судья посылает поселенцев, которые достойны таковых жителей. Хочешь ли знать имена сих поселенцев? Сказано: «да приидет смерть на ня, и да снудут во ад живи» (16).

И изобразив словом все горести, какие постигнут их, Пророк прилагает это улаждающее изречение, которым и препобедил град со всем его наполнением, говоря: «аз же уповаю на Тя» (24). Полноту же сего города называет «мужами кровей и лсти», которые «не преполовляють» лукавого дня, какого бы рода он ни был, и не оставляют лукавства не доконченным, но достигают совершенства во зле. Победителем всех их делается Пророк сим единым изречением, которым выражает расположение к Богу, говоря: «аз же уповаю на Тя».

Глава 14. (Толкование 55 и 56 псалма)

Человек трудолюбивый, дошедши до сих мыслей, пусть сам читает Богодухновенные изречения псалмопения, чтобы не утрудять его нам, излагая все до буквы и продолжая делать свой взгляд на каждую мысль. Как совершающие путь, который простирается далеко в высоту и с трудом проходим, когда встречают на дороге место, где можно сесть, отдыхают там долго, смотря по труду, какой ими поднят, а когда силы их снова укрепятся, побуждают себя к продолжению остального пути: так и идущий путем добродетели, для которого совершаемые им переходы суть победы над соперниками, как свидетельствует надписание предыдущего псалма, подкрепив себя одержанною победою, снова простирается к другой предстоящей ему победе. Велико и то борение, которое преодолел он в упомянутом псалме: скорбь, затруднение, смятение, вражду, молву (ибо это значит «глас вражий, стужения грешнича» и гнев негодующих, от чего происходят: смятение ума, боязнь смерти, страх, трепет, тьма и тому подобное).

Посему, кто превозмог столь многих и сильных противников, на крылах как бы голубицы, явившейся миру, и от преизобилующих пороками преселился в пустыню, не произращающую плевел лукавства, где приобретается упокоение одолением целого города соперников и всей полноты

населяющих его (а населяют город сей беззаконие, труд, пререканье, лихва, лесть, смерть, нисхождение жизни во аде, и злейший всех род — всегдашнее лицемерие обитателей, которое под видом единокровия действует злокозненно, и победителем которого бывает тот, кто во все время собственной жизни своей непрерывно сохраняет упование на Бога; ибо словами: «вечер и завтра и полудне» (Пс.54, 18), объемлет Пророк целую дневную меру, в продолжение которой говорил он то, что благоволит услышать Бог, избавляющий жизнь миром от приближающихся к нему в таком великом множестве, которых он именуется мужами кровей и лести и совершенными в пороке); итак, кто надеждою на Бога одержал верх над столь многими и сильными врагами, тот, как бы приведя в некое забвение показанные им труды, снова восстает на борцов, еще более сильных и могущественных.

Ибо вот какой новый труд берет на себя Пророк за прежние подвиги. О «людех», говорит он, «от святых удаленных» (Пс.55, 1). Люди же эти — вся полнота человечества, которую удаление от святых заповедей на какое-то великое и беспредельное расстояние, как бы стеною, поставленною в середине, отделило от Бога. Сих-то людей призывает победою над сопротивником, в награду подвигов назначая спасение погибших; почему заслугу сию выставляет на столпе в неизгладимых письменах памяти, увековечивающей событие. Посему победа одерживается «Давиду в столпописание, внегда», говорит он, «удержаша и иноплеменницы в Гефе» (1). Но чтобы не укрылся от нас смысл, сотканный в этом слове из исторических загадок, повторю сию историю, сократив в немногие слова. Зависть к Давиду при победе его над Голиафом в жестокой душе Сауловой порождена похвалою тех, которые, ликуя, веселились по причине сей победы. И Саул всеми способами, и тайно, и явно, уготовлял Давиду смерть: то скрытно строил ему козни, то, в след за сим, явно принимался за оружие и восставлял на него подданных. Но после многих, многократно деланных Саулом покушений на жизнь Давида, наконец пришедши к Зифеям, Давид поселился в одном городе у иноплеменников, добровольно принявших его к себе. Там жил он с своими сподвижниками, имея при себе двух законных жен, из которых одна была Израильтянка, а другая, быв прежде женою одного из владетелей на Кармиле, по смерти его стала сожительницею Давидовою. Вот что содержит в себе история.

Посему то, что Давид удержан у иноплеменников, не означает, что удержание сделано с худым намерением, ибо не то было на деле; а напротив того означалось сим исполненное любви и дружеское расположение, ибо Гефеи поселяют у себя изгнанного из земли отечественной. Итак, что же? Ужели это сын Иессеов Давид — человек от человеков, столько преуспел своими подвигами, что весь человеческий род, удаленный от Бога за преступление святых заповедей, снова призвал к Богу и показал ему гадательный смысл столпописания? А кто столпописанием наименоует Писание Богодухновенное, тот не погрешит. Или не явствует из самой связи истории, что столько велик Тот, Кто стал вне пределов естества, населил город у иноплеменных Себе, нашел Себе покой в двояком браке, взяв одну супругу из Израильского рода и другую с ложа иноплеменников, так что, если слово о Нем надлежит привести в большую ясность, то Он есть вместе Победитель и Жених. Ибо, как сильный в брани, преодолел имеющего державу смерти, и тем неисчетный народ, содержимый в аде, извел на свободу; а когда народ Израильский по зависти и ревности устремился на убиение Его, удерживается Он по благорасположению иноплеменниками, и у них созидает град, разумею Церковь; и здесь-то утверждает царство Свое Изрекший подчиненным Сауловым: «отимется от вас и, царствие, и дастся языку творящему плоды его» (Матф.21, 43). В этом-то граде есть несколько и благородных Израильтян, по пророческому изречению, в котором сказано: «в Церквах благословите Бога, Господа от источник Израилевых» (Пс. 67, 27), ибо начавшее слово веры, проповедники истины, основатели Церкви, разумею учеников и Апостолов, были «от источник Израилевых. Князи Иудовы», говорит Пророк, «владыки их, князи Завулони, князи Неффалимли» (28). Сими признаками и указаниями пророчество предъозначает родовые отличия учеников. Между ними и «Вениамин юнейший, во ужасе» обученный тайнам, от семени Авраамова и колена Вениаминова, Божественный Апостол Павел. Впрочем, если и повествуется, что Царь имеет в сожительстве Израильтянку, то больше любима им Авигея, с которою сожительствовал сперва обитатель Кармила Навал, по прозванию — «человек зверонравен» (1Цар. 25, 3), суровый горец, стригущий овец, по смерти которого жена сия сожительствует с царем и делается матерью царей.

Итак, надписание псалмопения заключает в себе столько таин, означая победу над людьми, «от святых удаленными» (Пс. 55, 1), и за успехи над иноплеменниками воздвигнутый столп, который начертанными на нем письменами держащимся иудейского неверия служил в укоризну, а спасающимся верою — в путеуказание к добру и в образец. Самые же изречения псалмопения, как мне более кажется, относятся не столько к пришедшему от Давида царю, сколько к самому Давиду, борцу с пороком и делателю добродетели. Но никто не может сказать, будто бы заключающиеся в псалмопении мысли не согласны с загадочными указаниями надписания. Ибо кто истинно, и как

должно, взирает на богословие; тот, без сомнения, покажет жизнь согласную с верою. А сие не иначе возможно, как по низложении плотского восстания упражнениями в добродетели. Для добродетели же главное — Божья помощь, которой сподобляется своею жизнью присвоивший себе Божью милость. Как иной при внезапном нашествии какого либо разбойника, или убийцы, для избежания опасности, не довольствуясь самим собою, призывает на помощь кого либо из друзей; так и здесь вступающий в битву для борьбы с человеком (а именуя человека, Пророк собирательным сим именем указывает на немощи естества) призывает помощь свыше, говоря, что попирает его борющийся, что он подавлен и приведен в отчаянье продолжением борьбы во весь день; что не один враг вступает с ним в борьбу; напротив же того один этот человек есть целая толпа врагов. «Попраша мя», говорит Пророк, «врази мои весь день, с высоты» (3), низлагая тем самым, что они выше попираемого. И не днем, не при свете совершается это; вспомоществуемый светом не убоился бы я; почему говорит: «в день не убоюся» (4), и дает видеть умалчиваемым, что тьмою наводят на него страх враги. Впрочем, таковой борец делает для себя днем надежду на свет, которым уничтожается тьма. «В день не убоюся, аз же уповаю на Тя».

Но, можете быть, иной лучше постигнет смысл написанного, принимая во внимание загадочный смысл надписания. Пока «людие» (род человеческий) удалены были от святых Ангелов; попирали их немощи естества, подавляла и сокрушала продолжительность брани, низлагали высшее, и имели они страх во время ночи. Но когда стали надеяться на Бога, свергнув с себя, как бремя, обманчивую надежду на суетное; тогда восхвалили слова свои, которые не иное что, как исповедание веры. Ибо Пророк говорит: о «Бозе похвалю» слова мои (11). Но сими похвальными словами, говорит он еще, враги мои «гнушаются», изобретая «на мя помышления на зло» (6), пока живу с ними, строят мне тайные и скрытные козни; делая свое дело, не перестают всегда подстергать «пяту мою» (7), так как из начала делом человекоубийцы — «блюсти пяту» человека (Быт. 3, 15). Но если и тяжело приращение неприятелей; при Твоем содействии будут они отражены; потому что спасение даруется Тобою людям не за дела праведности, но по одной Твоей благодати. Сказано: «ни о чесом» спасешь их (8). И все дальнейшее последование сего псалмопения объясняет призвание человеческого рода, а самое главное в нем — неизгладимый памятник победы над сопротивником, как бы на столпе Божия человеколюбия показуемый всей твари в повод к славословию. Посему Пророк, как бы взирая на этот столп, в последних стихах псалмопения говорит: о «Бозе похвалю» глагол, о «Господе похвалю слово» (11)..

«На Бога уповах». При Его помощи страха плотского уже не убоюся (12). «Во мне», продолжает, «молитвы, яже воздам хвалы: яко избавил еси душу мою от смерти, и нозе мои от поползновения» (13. 14). А поползновением называет уклонение от хождения по заповедям, от которого произошло падение. Посему, будучи избавлен от смерти и восстановлен от падения, представляется лицу Божию, от которого был удален, когда первоначально вкусил от запрещенного заповедью, и от стыда сокрыл себя под тенью смоковницы. Итак, восприяв снова дерзновение, восстанавливается для оживляющего света. Ибо говорит: «блаугожду пред Господем во свете живых» (14), откуда в начале отчужден был грехом.

И о сем довольно. Ибо думаю, что не должно, исследывая неутомимо каждое речение, без меры длить слово. Но поелику в священных песнопениях много псалмов победных, на которые указывает надписание: «в конец», и в них победа над сопротивниками рассматривается со многих сторон; то естественно иметь особое некое значение той победе над противоборствующими, которая изображается историческими загадками, разумею же историю, описывающую дела Сауловы. Порядок сих псалмов состоит не в последовательности исторических событий, но он следовал оказываемым преспеяниям в добродетели. Каждое из открывающихся событий поставлено так, чтобы служило доказательством возрастания в добродетели, и первое, и последнее приведено в последовательную связь относительно к добродетели, и порядок не поработен вещественному стечению событий. Посему после многого другого описывается прежде многих событий бывшая встреча в пещере Саула, стремящегося к убийству, и Давида, уклоняющегося от убийства; где возможность совершить убийство извратилась до противоположности. Кого преследовали, чтоб предать смерти, тому открывается случай убить желавшего его смерти; он имеет возможность, а с возможностью и силу совершить казнь над врагом; но вместо врага убивает в себе свою раздражительность.

Хотя, конечно, всякому, кто поверхностно не занимается Божественным, известна эта история, однако же перескажем ее кратко, сколько можно будет, сократив повествование о сем в немногих словах. В Иудеи было некое пустынное место, в котором в нужде своей имел пристанище гонимый Давид. Там находилась какая-то просторная пещера, которая одним только устьем принимала в себя укрывающихся в нее. Когда же Саул искал Давида и со всем воинством осматривал сию пустыню; Давид и бывшие с ним по необходимости убегают в пещеру. И когда они были уже в пещере, входит за ними в устье ее и Саул исправить некоторую нужду, не зная впрочем о вошедших туда случайно

воинах, угрожающих его безопасности. Посему Саул, оставшись один, снял с себя верхнюю одежду и положил подле себя, но скрывающимся внутри во мраке был он виден, освещенный лучом из устья. Все прочие, бывшие с Давидом, возымели решительную мысль броситься на врага и пришедшему для убийства отмстить, когда как бы Сам Бог дал врага в руки гонимым на смерть. Но Давид удержал их порыв, признав непозволительным поднять руку на царя своего. Обнажив же меч, вынутый из ножен, и неприметно став позади Саула, когда покушение на жизнь могло совершиться без свидетелей, потому что мрак в пещере, затрудняя зрение, все делаемое в ней укрывал от обличения, и потому была возможность одним ударом в спину вонзить весь меч в сердце, он не коснулся, даже не подумал коснуться Саулова тела. Но тайно мечем отрезываете «воскрилие» верхней одежды (1 Цар. 24, 6), чтобы в последствии эта риза свидетельствовала о Давидовом человеколюбии к Саулу, отрезанием «воскрилия» показывая возможность нанести удар и его телу. Риза делала явным, какому долготерпению обучился Давид; в руке был у него обнаженный меч, а под рукою тело врага; имел он возможность и убить сего врага, однако же, и раздражение препобедив рассудком, и возможность нанести удар — страхом Божиим, не только превозмог собственный гнев, но и оруженосца, стремившегося к убиению Саула, удержал произнесением достославных этих слов, сказав ему: «не убивай христа Господня» (1 Цар. 26, 9). Итак, Саул выходит из пещеры, не зная, что там было, и надев на себя обрезанную одежду. Выходит с ним, но сзади, с безопасностью для себя самого, и Давид, и, взошедши на бывший над пещерою холм, показывает в руке воскрилие (а это было не иное что, как бескровный памятник победы над сопротивниками), и, громким голосом вскричав Саулу, извещает его об этой новой и чудной доблести, которой не осквернил он, обагрив кровью, при которой и доблестный муж победил, и побежденный спасается. Ибо не падением врага свидетельствуется Давидова доблесть; но поелику сопротивник спасен от опасности, то еще более явным соделывается превосходство силы в имеющем столько упования, что не в гибели противоборствующих поставляет он свое спасение, но, и окруженный злоумышляющими, как бы никто не думал оскорбить его, почитает себя безопасным. Лучше же сказать, Писание эту историю научает, что преимуществующий добродетелью оказывает мужество свое не против соплеменников, но против страстей. Посему таковую Давидовую доблестью охлаждается раздражение в обоих. Давид собственным рассудком истребляет в себе личный свой гнев, угашает гнев, располагающий ко мщению. А Саул оказанным ему человеколюбием умертвил в себе злобу на Давида. Ибо из той же истории можно дознать, что говорит он после сего победителю, приводимый в стыд тем, на что покушался, плачем и слезами доказывая внутреннее свое отвращение от злобы.

Посему, сколько видно сие из истории, таково содержание пятьдесят шестого псалма; самые же речения надписания, которыми указывается на встречу в пещере, изложены в следующем виде: «в конец, да не растлиши, Давиду в столпописание, внегда ему отбегати от лица Саулова в пещеру» (Пс. 56, 1). Но чтобы видно было, сколько с сим надписанием согласны содержащиеся в псалмопении мысли, время теперь в немногих словах заметить, какой в них образ воззрения, изложив наперед Богодухновенные изречения. «Помилуй мя Боже, помилуй мя: яко на Тя упова душа моя, и на сень крилу Твоею надеюся, дондеже преидет беззаконие» (2). Псалмопевец молит за упование на Бога и за твердую на Него надежду воздать Божиим милосердием. «Дондеже преидет беззаконие», говорит он. Но чтобы мысль сия сделалась для нас более ясною, разберем слово сие так: свойство греха — быть непостоянным и преходящим. И в начале не вместе с тварью все Сотворившим и Осуществившим приведен он в бытие, и не всегда пребывает с существами. Ибо что существует от Сущего, то и в бытии всегда пребывает. А если что происходит не от Сущего, и сущность чего имеет состоятельность не в том, что оно есть, но в том, что оно не добро; то сие — какая-то трава, растущая на кровле, не имеющая корня, не сеянная, невозделанная; хотя в настоящем беспокоит она своим несостоятельным прозябением, но в последующее время, при восстановлении вселенной в доброе состояние, конечно, преходит и уничтожается, так что зла, встречающегося нам ныне, в той жизни, какая предстоит по упованию, не останется следа. Ибо сказано: «еще мало, не будет грешника: и възыщещи место его, и не обрящещи» (Пс. 36, 10).

Итак, пророческое слово в начал сего псалмопения любомудрствует, в возвышенных учениях излагая естествослово порока. Оно учит, что до тех пор имеем нужду в содействии милосердия, «дондеже» жизнь нашу «преидет беззаконие», ко вреду нашему вошедшее в жизнь. Таковое же содействие дарует нам упование на могущество Содействующего и вооружение себя сенью крыл Божиих. И кто под сенью крыл Божиих, служащую для нас покровом, будет разуметь добродетели, тот не погрешит. Ибо само Божество, каково Оно в естестве Своем, пребывает недоступным и непостижимым естеству человеческому, по неизреченности Своей паря гор превыше человеческого рассудка. Но в сеннописании добродетелей взирающим на оное открываются некоторые существенные

черты неизреченного Естества, так что всякая мудрость, благоразумие, ведение и всякий способ постигающего что-либо мышления суть не самые крила Божии, но сень Божиих крыл. Но великое для нас благодеяние и сень. Ибо Пророк говорит: «воззову к Богу вышнему, Богу благодевавшему мне» (Пс. 56, 3).

Этот сенью, которую дольнему мере послал Бог с высоты, «спасе мя» (4) осенившим в облаке Духом, и тех, которые, по сказанному в прежних псалмах, попирали меня, поставил ныне в ряд укоряемых. Ибо «посла Бог милость Свою и истину Свою, и избави душу мою от среды скимнов» (5). Подлинно скимнами были для меня прежде грехи, скимнами львов, которые страшили пастью и остриями когтей терзали меня. Но пришли помощники, «милость и истина» — эта прекрасная чета; потому что и милость не без суда, и истина не без милости. И ими-то избавляюсь от сопребывания с сими скимнами. Звери же сии, говорит Пророк, «сынове человечестш, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остре» (5).

Устройство естества нашего не знало сих чувственных стрел, вместо зубов вложенных в уста человеческие; но если кто уподобится зверю по страсти, и преобразится в него по овладевшему им пороку, то, утратив естественный свой образ, подлинно делается зверем. Посему Пророк, упомянув о львах, наименовал сынов человеческих зверями, у которых бранными орудиями зубы и язык. Потому, кто столько возвысился умом, что водворяется под сенью крил Божиих и на земле восприял небесный жребий (ибо сказано: «посла с небесе и спасе мя» (4)), тот не взирает уже на земное, но трудится для славы пренебесной, говоря: «вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя» (6). И описывая нападения врагов, сказывает им Пророк, что впадут они в яму, и на них самих обратятся уготовляемые ими бедствия.

Ибо говорит: «сеть уготоваша ногам моим, и слякоша душу мою: ископаша пред лицом моим яму, и впадоша в ню» (7). Сам же, как извещает, готов он воспеть Божью славу с благохвалением; потому что при таком величии души блажен тот, чье сердце уготовано к благохвалению Божьей славы, вмещающая в себе невместимое, утверждая о себе, что он расположен и готов, и не отлагает песни, но живые орудия свои поименно приглашает к служению в песнопении, взывая: «востани псалтирю и гусли» (9), чем указывается стройное согласие в Божественном славословии двоякого человека: и видимого, и сокровенного. И орудия повинуются призывающему. Временем же для такого мусикийского песнопения служит раннее утро; потому что для тех, которые не отложили дел тьмы, не пробуждается Божья слава. Посему и псалтирь и гусли отвечают взывающему: «востану рано» (9). Так Пророк обещается воздать Богу благодарение, которое называет исповеданием, исполняемым «в людех и во языцех» (10); потому что благодать веры равно уделяется носящим оба сии имени: и «людям», и «языкам. Не иудеев Бог токмо», но «и языков, понеже един Бог, Иже оправдит обрезание от веры, и необрезание верою» (Рим. 3, 29. 30). Посему, так как Божие благословение, как бы двойным каким потоком, излилось на тех и других, разделяясь то на «людей», то на «язычников»; пророчество за тех и других приносит благодарение Богу; потому что до бесконечности возросший грех превосходит величием своим Божия милость, соделавшаяся превышею и самой небесной высоты. Ибо сказано: велика превыше «небес милость Твоя» (Пс. 56, 11). Изречениями воздаваемого за сие славословия почитают окончательные слова псалмопения, в которых сказано: «вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя» (12). Ибо в какой мер Божье славословие, распространенное спасаемыми верою, умножается на земле, в такой же пренебесные силы, радуясь нашему спасению, воспевают и славословят Бога, как и то небесное воинство, когда Ангелы увидели на земле мир, явившийся нашему миру по благоволению «в человецех», говорит пастырям: «слава в вышних Богу» (Лук. 2, 14).

Глава 15. (Толкование 57 псалма)

Но при такой высоте этого псалмопения следующий за ним по порядку псалом столько отличается еще большим величием, сколько можно дознавать сие из того самого, что написано. Как у скороходов опередивший победителя других приобретает большую пред прежним победителем славу, оказавшись лучшим бежавшего вперед: так пятьдесят седьмое псалмописание в сравнении с предыдущим, которое оказалось высоким по мыслям, препобеждает его величием своих мыслей. Как тот псалом имел превосходство пред другими псалмами, так этот имеет преимущество пред тем, который имеет превосходство пред прочими. И о победе сего псалма свидетельствует надписание: «в конец». Но мне кажется, в рассуждении сей победы слово свидетельствуется не столько поражением

противников, а напротив того, более обилием благ. Надписание же читается так: «в конец, да не растплиши, Давиду в столпописание» (Пс. 57, 1). Сколько раз об этом подвижник великодушия Самим Подвигоположником провозглашается, что он увенчан за сию победу! А, может быть, и сам Дух Святой нередко чудесным образом приемлет на Себя сей глас, так как оный выше сил человеческих и выходит из пределов естества. Ибо сказать подобное сему свойственно только естеству бесплотному и невещественному, которого не касается ни одна из человеческих немощей. А кто человек, кому по естеству существенна раздражительность, — и тот терпит зло от неполучившего ни малейших поводов к злу, даже от удостоенного многих и великих благ, тем самым, кому оказал добро, из за пустого начальства, за сделанное в его же пользу, доводится до пресельничества, принужден стать беглецом из собственного дома, до смерти гонимый благодетельствованным, по трудности жизни переходя с места на место, вселяется в пустынях, укрывается на вершинах гор, выпрашивает себе убежище у иноплеменников, бедствует от недостатка в самом необходимом для жизни, многое терпит, живя под открытым небом; неоднократно бывает в опасности утратить жизнь от гонителя, который однажды стремился из своих рук убить его копьем, даже дом, в котором жил, чтобы не избежать ему смерти, занял своими оруженосцами; потом всюду разведывал, у кого поселился, чем питается, где теперь, к кому переходит. И когда терпевшему все это двукратно представлялся удобный случай убить врага: Саул, однажды в пещере неосмотрительно впадал в руки Давиду, а в другой раз в шатре погружен был в сон, Давид же стоял над спящим и убийством гонителя мог вполне удовлетворить своему гневу; тогда и сам он не поднял руки, и порывающемуся на умерщвление говорит: «да не растлиши». Вот изречение, подлинно свойственное Богу, — изречение, воспрещающее губить человека!

Поэтому, как делающие явственные на камнях надписи, глубоко вырезают очертания букв, много раз вода резцом по изображениям; так Дух Святой на столпе нашей памяти приводит в большую ясность и видимость сие важное для нас изречение, чтобы письма сии, ясно и неслитно в нас отпечатленные, могли быть прочитываемы во время страданий. Сие-то, думаю, было целью в домостроительств Святаго Духа — предшествовавшие преспеяния святых мужей поставить в путеводство жизни тем, которые будут в последствии, так как подражание приводит нас к равному и подобному благу. Ибо когда душа готова отмстить огорчающему, и кровь в предсердии кипит от раздражения на оскорбившего; тогда воззревший на этот столп, какой воздвигнут Давиду Духом Святым, и прочитавший на нем слова, какие Давид изрек о намеревавшемся убить его, без сомнения, утишит в душе смятение помыслов, усмиряя страсть желанием подражать в подобном деле.

Но величие того, кто с успехом восшел на степень сего псалмопения, а именно, сколько стал он выше достигнутого прежде величия, можно усмотреть и из самых речений псалмопения. Ибо не жалуется уже, что попирают его враги, не призывает в помощь себе милосердия, но, став выше сего, как бы с высокого какого подзорного столпа, живущим внизу в междугории, при самой подошве жизни человеческой, с обличением взывает, говоря следующее: что говорите и делаете вы, о человеки? правду ли произносите вы? по правоте ли ведете суд? вижу, что сердца ваши на земле, и всякое сердечное движение есть уже дело, а не мысль. Вместе с тем, как появляется зло в разумении, и руки немедленно соединяют с мыслями дело. Для большей ясности, своими словами заменив несколько псаломских речений, изложил я читаемое так: «аще воистинну убо правду глаголете, правая судите сынове человечести: ибо в сердце беззаконие делаете на земли: неправду руки ваша сплетают» (Пс.57,2.3). Потом, негодуя на лишивших себя спасения, Пророк присовокупляет следующие за сим речения, говоря: «отчуждишася грешницы от ложесн, заблудиша от чрева» (4).

Уразумеешь же сказанное, исследовав, какие это первоначальные «ложесна» человеческого состава, и какое это чрево, носившее в себе человечество. Не иное

что думаю, означается сим, как Божье человеколюбие и Божья благодать, по которой мы сотворены и родились. Ибо «сотворим человека по образу нашему и по подобию» (Быт. 1, 26), сказал «Создавший на едине сердца их» (Пс.32, 15), и еще говорит: «сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене» (Иса.1, 2). И в святом Писании можно прочесть тысячи подобных мест, из которых познается, какое чрево образовало нас, и какая мать произвела на свет рождением.

Сие-то имея в виду, негодующий на погибель отступников, Пророк сетует; ибо подлинно плач — это изречение, которым выражает он скорбь свою о грешниках: как «отчужишася грешницы от ложесне? как заблудиша от чрева», ложь предпочтя истине? Их раздражительность подобна ярости отца лжи, этого первого змия, «яко аспида глуха и затыкающего уши свои: иже не услышит гласа обавающих, обаваем обаваются от премудра» (Пс.57, 5. 6). Ибо свойство этого зверя таким заметили мудрые в этом, а именно, что, воспылав яростью, задерживает в гортани дыханье и не движется от задержания в себе воздуха, раздуваясь как мех, так что напрасными и недействительными остаются все каким либо естественным противодействием смягчающие зверей средства, какие изобретены мудрыми в подобном сему. А сим Пророк дает разуметь, что сердце одержимых пороком, когда учителя предлагают им врачевание, остается непослушным.

И все продолжение псалмопения составляет плач воздыхающего о гибели людей, достойных сожаления. Ибо предвозвещает их будущее, говоря: «Бог сокрушит зубы их во устех их» (7). Какие зубы? Не очевидно ли, что те челюсти преслушания тех прислужников наслаждениям чрева, которых Пророк в предыдущем псалмопении наименовал «оружьями и стрелами» (Пс. 56, 5), и которыми растерзывается слово истины? И сказано: «членовныя львов сокрушил есть Господь» (Пс. 57, 7). Узнаешь же, кого Пророк назвал львами, если изучишь отличительные свойства сих зверей. Сказывают, что у львов глаза извращены, что естество их плотоядное и кровожадное.

Конечно же, знаешь загадочный смысл и извращения глаз у тех, которые смотрят непрямо, и неприятного дыхания у тех, которые на хулу употребляют уста свои, и поэтому имеют сродство с зловонием греха, а также всего, что разумеется под дыханием; потому что плоть и кровь, чем наипаче питается львиное естество, как мерзость, не приемлются в царствие Божие. Ибо, когда достойные сподобятся чести, в то время, они, как сказано, «уничжатся» (8), протекая жизнь вместе с непостоянным естеством вещественного, с которым они освоились. Ибо сказано: «уничжатся яко вода мимотекущая» (8); потому что лукавый стрелец душ наших, направляя в человеческую жизнь разжженные стрелы греха, не престаёт поражать их, пока не приведет сил их в изнеможение. Сказано: «напряжет лук свой, дондеже изнемогут» (8), и сделаются «растаявшим воском», из которого нетрудно вылепить всякого вида подобие греха.

К сему Пророк прилагает еще оные плачевные слова о достойных сожаления, сказуя: «паде огонь на них, и не видеша солнца» (9). Значение же сего речения объясняет другой толковник, сими словами выражаясь о преждевременном извержении из матерних ложесн недоношенного младенца. «Изверг» женский, говорит он, не увидит солнца (Иов.3, 16). Итак, поелику в начал псалмопения сказано: «отчужишася грешницы от ложесн, заблудиша от чрева» (Пс.57, 4), а это значит то же, что рождены недоносками, и причиною такого их недостатка, как утверждает Пророк, уподобление змею и аспиду; то посему и теперь, возвращаясь к тому же образу речи, продолжает, что, будучи несовершенными в отношении к естеству, по своей порочности соделавшись недоносками, изринуты и ниспали из умопредставляемых нами ложесн, став сами для себя огнем, по причине вещественного произволения, почему не узрели и солнца. А солнцем указывается истинный свет, к которому не обратил взора незрелый род иудеев.

И последующая за сим речь состоит в строгой связи с предыдущею. Ибо, что Пророк наименовал там «глухим аспидом», то теперь, изменив образ речи, называет неразумным «тернием»; потому что разумение бывает следствием

слышания, а кто не приемлет слуха, тот вместе с слухом отвергает, без сомнения, и разумение. Посему, как там, упомянув о родовом наименовании змея, выставляет самый злой в целом роде вид этого зверя, называя «аспида»: так и здесь, наименование терна представив, как бы родовым каким, выставляет самый несносный вид терна, назвав его «рамном», которого иглы остры, спицы часты, уязвления приближающимся вредны и ядовиты.

Однако же, будете ли вы терниями, говорит Пророк, или даже в терниях «рамноме», так как почитаете себя еще «яко» живыми (ибо не в подлинном смысле жив, кто не имеет истинной жизни); гнев «пожрет» вас (10). И как жизнь грешников не в подлинном смысле есть то, чем называется, а только именуется сим (что разъединено с истинною жизнью, то не жизнь); так и гнев в Боге, хотя грешникам представляется гневом и так ими именуется, тем паче не есть гнев, но «яко» гнев для именующих гневом воздаяние, праведно Богом распределяемое. Посему вот что значат слова: «яко живы», и: яко «во гневе пожрет» вас; — вас, которые не в действительной жизни, пожрет Он, Который недействительно во гневе.

Потом Пророк говорит: «возвеселится праведник, егда увидит отмщение» (11), не тому радуясь, что другие гибнуть, но когда в сравнение с их положением приведет он свое, тогда ублажит себя за благоразумие, по которому не делал того, за что, как видит, отмщено грешникам; да и чистоту собственных рук лучше усмотрит при сравнении с окровавленными руками грешников. «Руце свои», сказано, «умыет в крови грешника» (11). Знаем же, что не для иного чего моем руки, как для того, чтобы водою свести с них скверну; а обагрение кровью не очищает прежде бывшей скверны, напротив того, само делается скверною. Посему, как белый цвет при сличении с кровью делается виднее; так и чистота рук праведника, при сравнении с руками противника, оказывается более блистательною. Невероятное ныне, а именно, что в понесших добровольно труды за добродетель есть некое приобщение совершеннейшего, тогда обнаружится на опыте. Кто увидит сие, тот скажет: вероятно, что правдивым судом Божиим уготован был праведнику плод. Смотри, на какие высоты взошло слово! Сколько величие сие превышает то, что показано в предыдущих псалмах?

Глава 16. (О значении слова «тщепогребальная» и толкование 58 псалма)

Но для преспевающих в добродетели и это еще — не предел восхождения на высоту. Ибо следующее за сим в связи порядка высотой взгляда оказывается превысившим и это. Надписание снова провозглашает увенчиваемого. Снова воздвигаемый столп свидетельствует, что одержанная победа выше сил человеческих. Сказано: «в конец, да не растлиши» (Пс.58, 1). Много раз говорено, что словом: «конец» означает победа, и нет надобности словом снова объяснять, что известно. Но это человеколюбивое изречение, превосходящее всякий избыток великодушия: «да не растлиши», в настоящем месте получило высший смысл. Кому неизвестно, что и всякий, к кому ни обратись, готов делать добро не причинившим никакого зла? А кто великодушнее других, тот, и после сделанного ему какого либо малого оскорбления, нередко переносил небольшую неприятность, и при благотворении не мешало ему это сделать добро и оскорбившему его несколько. Но малодушный, если встретится какая огорчающая его малость, употребляет всю, какая есть у него, силу на отмщение, воспользовавшись удобным временем сделать зло. Посему не равно чудно, если одинаковое благодеяние оказано будет и тем, кто не потерпел прежде ничего худого, и тем, кто воздаст благодеяниями оскорбившему. Поэтому-то всего более несравненным и неподражаемым окажется великодушие Давидово, которое, если кто сличит его с этим лукавым неистовством Сауловым, едва не уподобляется даже бесстрастию Божественного естества.

Слова сии: «да не растлиши», которые Давид, как на столпе, начертал в памяти потомков, произнесены Давидом не тогда, как мучитель был расположен к нему дружественно, но уже после того, как Саул посылал умертвить Давида в дом его. Без сомнения же тебе, как любововедущему, известна эта часть истории, на которую указывает надписание, а именно, когда на Саула было нападение лукавого духа, святой Давид игрою на псалтири успокоил происшедшее от недуга смятение, а Саул, нашедши стоящее пред ним копье, пустил в своего благодетеля, направив в него

острием. И как Давид при Божьем содействии уклонился от удара, брошенное копье острием своим глубоко вонзилось в стену; а Давид из царского дворца бежал в свой дом в надежде, что раздражение царя заменится раскаянием. Поелику же Саул вокруг Давидова дома поставил копьеносцев и служителей своих, дав им приказ убить Давида; то он едва избег опасности, тайно от стражи в одно окно бросившись на открытый воздух, и, удалившись, переходил с места на место, по нужде ища убежища у незнакомых ему людей. Но и при этом поймал его Саул, со всем войском окружив тот холм, на который прибег Давид с присоединившимися к нему. И в ночь, на которую замедлена была смерть его, потому что Саул умерщвление гонимого отложил до утра, Давид входит в шатер неприятеля, и, нашедши его на каком-то ложе погруженным в сон, не только удерживает свою руку, которая, может быть, поспешала принести дар раздражению, но и оруженосца, наклонившегося уже над Саулом, чтобы нанести ему смертельный удар (ибо говорит: «поражу, и не повторю» (1 Цар. 26, 8)), останавливает в этом порыве сим высоким и славным изречением, сказав: «да не растлиши» того, кто спешит истребить нас.

Но не это одно достойно удивления в сем деле, что Давид дарует жизнь тому, кто все делает против его жизни, но и то, что Давид, помазанный на царство, и зная, что не иначе достигнет царского сана, как разве когда не станет уже Саула, признает за лучшее по великодушию злострадать в унижении человека частного, нежели взойти на царство, удовлетворив раздражению на оскорбившего. Посему-то к изречению человеколюбия приложено и сие: «внегда посла Саул» в дом Давида, «еже умертвити его» (Пс.58, 1). Ибо не тогда изречено, когда происходило сие; но присовокуплено это для возбуждения большего удивления, что произнес сие тот, кто испытал на себе это.

Но излишним почитаю теперь, когда речь поспешает заняться другим, вносить в нее что либо требующее объяснения в истории: почему после сказанного: Саул поразил Давида копьем, история прибавляет, что копье вонзилось в стену, «Давид же спасется», и что на одре Давидовом не найден сам он, найдены же вместо него «тщепогребальная и печень козья» (1 Цар. 19, 10-13), что в те времена, по какому-то обычаю, в отвращение смерти делалось таким образом: больного сводили с одра, и на постель клали ризу, возлагаемую на умерших, и козью печень? Ибо для трудолюбцев явно, что история сия есть пророчество о Господнем домостроительстве. В мучителе Сауле были демоны. Их прогоняет помазанный на царство, приводя в ужас музыкальным орудием — гусями. Одержимый же пребывающими в нем демонами того, кто при помощи гуслей показал свою силу над демонами, поражает копьем, но удар вместо Давида принимает на себя стена, а он спасается.

После этого преследуемого злоумышляющим Саулом ищут на одре и не находят; а одр вместо его помещает на себе «тщепогребальная и козья печень».

Без сомнения же очевидно, к чему клонится речь загадок, из которых слагается сия история. Давидом предуказуется Тот, Кто от Давида. Помазанный означает Христа; а гусли суть телесное человеческое орудие; песнь на гусях — слово, откровенное нам Воплотившимся, делом Которого уничтожить наваждение демонов, чтобы не были уже «бози язык бесове» (Пс. 95, 5). А этот царь, имеющий в себе демонов, как скоро духи бегут от игры на гусях, с пользою употребившего на сие это орудие, поражает копьем (копье же есть дерево, вооруженное железом), но копье вместо игравшего на гусях принимает в себя стена; а под стеною разумеем земную храмину, и в ней дознаем то тело, при котором усматриваем дерево креста и железо. Но этот Давид, и помазанный и царь, не подлежит страданию, потому что Божество не пригвождается ко кресту гвоздями. Услышав и о Мелхале, происходящей от Саула, с которою вступил в общение Давид, не подивимся сему, взирая на последствие. Ибо знаем, что Бог смерти не сотворил, но отцом смерти соделался царь злобы, сам себя лишивший жизни. Ибо «завистью диаволею смерть вниде» (Прем.Сол.2,24); «царствова же смерть от Адама» и до закона (Рим. 5, 14). Но Апостолу желательно, чтобы не царствовала она более в нас, «в мертвеннем» нашем «теле» (6, 12). Посему за всех Вкусивший смерти пребывает в дому у происшедшей от мысленного нашего Саула; имя же ей Мелхала, и значение сего имени есть царство, потому что дотоле над естеством человеческим царствовал грех.

Но пребывающий в сем доме, Сам исходит в окно; окно же означает возвращение снова во свет Того, Кто явил Себя «седающим во тме и сени смертной» (Матф.4, 16). А «тщепогребальная» Его усматриваются на одре. Ибо и Ангел ищущим Господа во гробе говорит: «что ищите живаго с мертвыми? несть zde, но воста» (Лук. 24, 5. 6): вот «место, идеже лежа» (Матф.28,6). Гроб, в котором погребен был Господь, ищущие Его увидели пустым без искомого ими тела; были же в нем одни погребальные пелены. Посему разумеем, что восстание Господне из гроба означают собою «тщепогребальная» на одре Давидовом, которыми совершается действительное отвращение от нас смерти. Поелику же в пронзенной стене, которую приняли мы за тело, нет крови; то, чтобы не было недостатка в самом существенном из представляемого нами в таинстве, которым мы искуплены, сказываю, что это —

кровь, находится она в «тщепогребальных». Ибо во внутренностях одна печень служит источником крови и местом, где она составляется; без печени невозможно образоваться и естеству крови. Посему, если кровь из печени, а в «тщепогребальных» есть печень, то нет недостатка крови и в том, что для естества человеческого соделалось средством, отвращающим смерть. Да и род животного, от которого взята печень, тот же, какой назначен для умиловительных жертв за грехи. А сверх сего, из этого же рода берется животное и для пасхи (Исх. 12, 5). И также Моисей говорит, что сие же животное должно избирать для отпущения за грех народа (Лев. 16, 7—10), когда из двух представленных козлов по жребию отделяются они на два дела, один приносится в жертву Богу, а другой с возложенным на него грехом отпускается в пустыню. А вследствие всего этого и подобного тому печень сего животного взята в знаменование крови, которою совершилось отвращение смерти от заболевших смертельно, по причине воскресения из мертвых Господа нашего, которое означают «тщепогребальная».

Но благовременно будет изложить кратко мысль, заключающуюся в псалмопении, именно следующую. Пророчество делит речь свою на две. Одна от всего человеческого рода обращена за нас к Богу; другая Приявшим за нас страдание произносится нам. Посему изреченное за нас таково: «изми мя от враг моих, Боже, и от востающих на мя избави мя, и от делающих беззаконие, и от муж кровей, которые уловиша душу мою, нападаша на мя крепко» (Пс.58, 2—4), не потерпев от нас ничего худого. Ни в чем не погрешил я против них; не учинено нами во вред врагам никакого беззакония, которым бы и огорчились они. «Без беззакония» было первое мое течение (5). Но вот все, как что было, говорит Пророк, «виждь, и вонми посетити:» не отлагай по человеколюбию отмщения погрешившим, «да не ущедриши», продолжает, «вся делающыя беззаконие» (6).

Потом влагает речь в уста высшему лицу, и как бы от лица Внявшего молитве говорит, что враги сии «возвратятся на вечер» (а это не иное что значит, как то, что изгнаны будут во тьму кромешную; потому что «вечер» — начало и мать тьмы), и «взалчут яко пес» (у кого нет напутия ко спасению, тех по необходимости будет сопровождать бедствование от глада благ: так взалкал в аде богач, лишенный Божественного орошения; и как не заготовил себе такового блага, то сгорал пламенем). Но»и обыдут град», говорит Пророк (7). А это, кажется мне, дает разуметь нечто подобное следующему. Поелику все ненужное и негодное к употреблению живых, будет ли это труп, или что повредившееся, или какой зловонный гной, выбрасывается вне города; то около сего находятся голодные псы, питающиеся выбрасываемою из города нечистотою. Писание, научая сим различию между живущими добродетельно и порочно, означает сие загадочным представлением города, благоприличный и упорядоченный образ жизни называя городом, как бы населяемым добродетелью. А противоположный добродетели порок изображает тем, что вне города, где отыщется всякий грех, который есть какое-то зловонное извержение из образованной жизни, составившееся из гнилых тел и скверного гноя.

Поэтому житель города есть нечто великое и досточестное, подлинный человек, первоначально вложенные в естество черты отпечатлевший в себе жизнью; пребывающей же вне города есть пес, а не человек. Таким образом, по всему видно, как надлежит отличать пса от такого человека, каков он должен быть по естеству, и отличать не по наружному устройству тела, но по разности в жизни. Ибо обитатель доблестного города подлинно есть человек. А кто прилагает старание о зловонном непотребстве и о домогающемся излишестве любостыжании, которое иной назовет в собственном смысле гноем, или о других видах порока; тот, вне онога града блуждая и пресмыкаясь окрест его, сам о себе вопиет, что он пес, из Божья подобия претворившийся в естество псов. Под псами же, без сомнения, разумеешь первороднаго пса, этого плотоядца и «человекоубийцу»), как называет его Писание (Иоан.8, 44). Продолжение псалма описывает жизнь псов, сказует, что из уст их вместо лая исходит какой-то глас, и вместо песьих зубов сокрыт меч во устнах их, выражая сие такими словами: «се отвечают усты своими и меч во устнах их» (8). Но для имеющих в себе Бога страхования сии — смех. Ибо сказано: «Ты Господи, посмеешься им» (9). А я «державу мою к Тебе сохраню» (10). И чрез несколько слов Пророк предуказует человеколюбие, являемое Богом твари Своей.

Ибо говорит: «не убий их», но «низведи я» (12) с высоты неверия на гладкую равнину Богопознания. Так и поступили великий Павел и Иоанн Креститель, — Павел, низлагая «всяко возношение взимающееся на разум Божий» (2Кор. 10, 5), а Иоанн, по пророчеству Исаии (Ис.40,4), уравнивая и сглаживая всякий холм и всякую гору, надменную величавость порока доводя до самоуничтожения и невеличавости добродетели.

Поелику отовсюду изгоняется неверие, и на место его вводится Боговедение; то «Бог владычествует Иаковом, и концы земли» (Пс.58, 14). Поелику нигде не остается идолослужения; то, без сомнения, Господь будет Владыкою концов земли, когда искоренится над многими некогда царствовавший грех, который у Пророка назван «грехом уст их, и словом устен их, и гордынею, и

клятвою, и ложью» (13). Потом Пророк снова повторяет слово свое «о возвращающихся на вечер, об алчущих яко пес, и обходящих град» (15), сим повторением сказанного, как думаю, давая знать, что люди в том и другом, и в худом и в хорошем, какими бывают здесь, такими будут и после сей жизни. Кто теперь по причин нечестия ходить кругом, не живет во граде, не хранит в себе отличительных черт человеческой жизни, но произвольно делается зверем и псом; тот и тогда, недопущенный в горний град, будет мучиться голодом благ. А победитель сопротивных, как говорит псалмопевец в другом где-то месте, и восходя «от силы в силу» (Пс.83, 8), и вознаграждаемый за победу, говорит: «воспою силу Твою, и возрадуюся завтра о милости Твоей: яко был еси заступник мой, и прибежище мое» (Пс.58, 17), и Тебе подобает слава во веки веков. Аминь.

Приглашаем посетить сайт
mystudies.narod.ru

Собрание материалов по истории церкви, библеистике, патрологии, богословию.
Сочинения святых отцов, учителей церкви и церковных писателей прошлого и современности.